

The background of the cover is a vibrant, fantastical illustration. It depicts a large, ornate sailing ship with a golden eagle on its prow, sailing through a cosmic space filled with nebulae and stars. A bright, fiery comet streaks across the sky. In the upper left, a circular inset shows a detailed view of a ship's complex mechanical interior, featuring gears and a central orange wheel. At the top, a bright blue light source, possibly a sun or moon, illuminates the scene with rays of light.

18+

Валерий Сабитов

МИРАЖИ ПРЕДЗЕРКАЛЬЯ

роман-мистерия

о лабиринтах и минотаврах плоти,
разума и души

Валерий Сабитов
Миражи Предзеркалья.
Роман-мистерия.
О лабиринтах и минотаврах плоти,
разума и души

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42308866
ISBN 9785449661784*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вакуум-шхуна Космофлота возвращается из первого плавания. Экипаж, пройдя через испытания и приключения вне обычного пространства-времени, оказывается чужим на родной Земле. Планетой правят два Цеха: Гора-Сфинкса и Розы Мира. Человеческий мир лишился стабильности и подвергается непрерывным метаморфозам. Капитану Алексу с друзьями предстоит тяжкая борьба за выживание. Новые качества и способности, обретенные в Пустоте, победы и спасения не гарантируют...

Содержание

Часть первая	7
1. Илона	7
2. Дуат Антареса	73
Конец ознакомительного фрагмента.	140

**Миражи Предзеркалья
Роман-мистерия.
Лабиринтах и минотаврах плоти
разума и души**

Валерий Сабитов

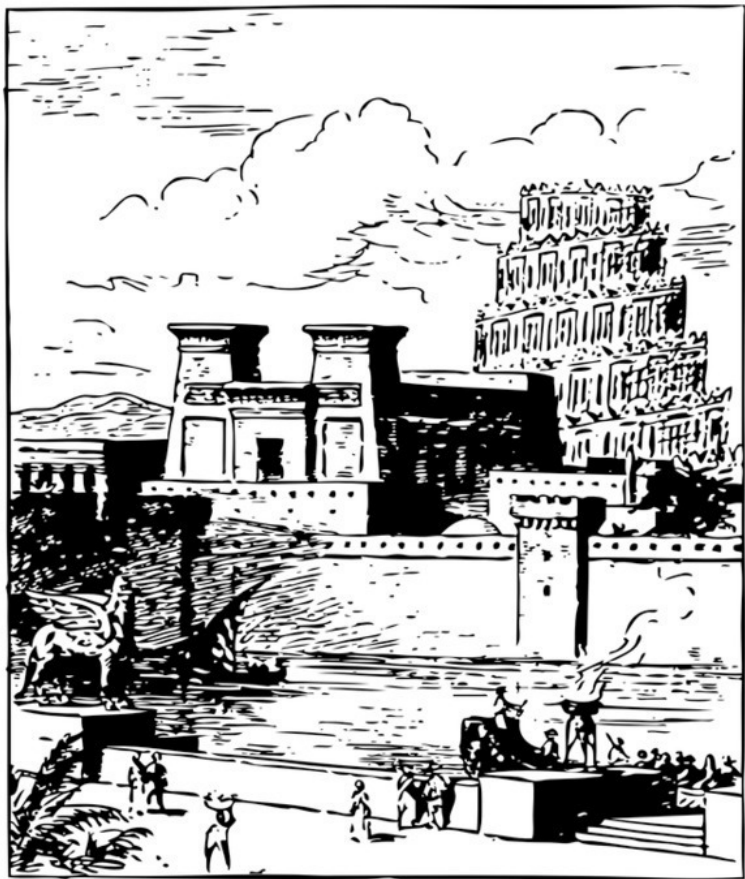
Картина на обложке Николай Редька

© Валерий Сабитов, 2019

© Николай Редька, художник, 2019

ISBN 978-5-4496-6178-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звёзды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы...

В. Хлебников

Часть первая

Арета и Амальгама

1. Илона

Промозгло, сыро и серо... Льёт холодный дождь. Дождинки тяжёлые, как ртутные шарики. Льёт уныло, мрачно, давно. Настроение никакое. Спасает от нервного срыва знание: когда-то ливень закончится. Ледяная вода заполняет рубку, поднялась до щиколоток, и я основательно продрог. Остаётся одно: закалять терпение, дожидаться полного исчезновения иллюзии. Психика деформируется, сознание колеблется...

С первого момента блуждания в Пустоте каждая минутка – гирька на весах жизни. Весы с гирьками отмеряют судьбу. Минута за минутой, гирька на гирьку. Какая-то в правую чашу, какая-то в левую... Весы могут хрустнуть от нарастающей тяжести в любое мгновение.

Вот если б убрать полизеркальный барьер, множащий отражения в бездонных глубинах... Терпение на пределе, придётся включить активность:

– Песка хочу! Южно-Аравийского! Летнего!

Истерическая команда прорвалась сквозь стены рубки

и дошла без искажений. Куда надо дошла. Перископ развернул панораму источающей жар пустыни. Получилось: вид из прежней жизни, без гирек-весов. Барханы, ослепляющее высокое небо в редких облачках – нормально. Да вот обжигающий лицо ветер! На «Арете» нет климатической машины. Но погоды в пределах допустимого. Недавно пришлось спастись от стужи антарктического суховея. Мороз проник в каюты, заледенели холодильники.

Млея от жара, осмотрелся. Дождь в основе – фантомный, а влага держится частыми каплями на сине-голубых стенах, поблёскивает на сером пластике пола. Быстрое испарение скрадывает часть зноя, но превращает рубку в прилично разогретую парную.

Вакуум-мираж... Что за сюрпризы впереди?! Сейчас бы тёплую ванну. Тёпленькую... Но для этого надо пройти в каюту. А там... Там может ждать что-нибудь неприятнее погодных капризов.

Внутри – в мозге? в сердце? в душе? – поднимаются волны протеста.

– Что же ты молчишь, «Арета»? – глупо спросил я.

Корабль не ответил. Отреагировал Путевой Шар. Из глубины искрящейся вселенной всплыло лицо Сибруса, доброе и печальное. Таким я его не помню. И заговорил Сибрус непривычно-торжественно, официально-представительно. Ударной волной прокатилась бессмысленная фраза:

– «Арета» в галактической либо во внегалактической многомерности. Более точное определение в данный момент крайне сомнительно.

Песок зашуршал, барханы заметно сдвинулись.

Путевой Шар сомневается? Вот уж действительно неопределённое определение! Неудивительно, что я в большем смятении, чем наш заблудившийся путеопределитель. И не только в отношении местонахождения «Ареты». Больше волнуют вопросы поменьше. Вот к примеру, кто внедрил в Путевой Шар такого Сибруса: мягонького, гладенького да причёсанного? Одно ясно – не сам конструктор; он и понятия о своём присутствии тут не имеет. Спорить с Сибрусом, требовать от Сибруса, приказывать Сибрусу – что может быть невероятней? Одним словом, кошмар!

Шар обрёл обычную бессодержательность. Бес-содержательность... Наполненность бесами?

Пока размышлял о странностях языковых реалий, пустыня исчезла. Сама по себе, без команды. Перископ демонстрирует очередную звёздную несообразность, стопроцентно несопоставимую с любым куском объективного мира. Откуда у биомозга страсть к фантазированию? Причудливые скопища разноформенных галактик; отдельные кучки то ли звёзд, то ли квазаров; цветные облака чего-то непонятного... Неужели тёмное, скрытое вещество Вселенной проявилось? Много чего накручено. И вся эта красочная смесь вороча-

ется в переменных ритмах гравитационных полей. До жути красиво. Но ведь выхода «наверх» нет! Звёздные миражи появляются тем же бесовским образом, что и дожди с суховеями.

Я обоснованно – то есть твёрдо! – подозреваю: ни в разумных пределах, ни за ними «Арету» не отыскать. В каждый отдельно взятый момент шхуна занимает иную, новую точку в очередном «нигде».

Но стоп! Какую-такую точку? Нет там никаких точек, и само это «там» не имеет ни ориентиров, ни каких-либо разумных определений. Как не имеет чёткого смысла происходящее вокруг меня, внутри распахнутой в никуда оболочки «Ареты». Нет ни слов, ни образов. И взять их негде – в памяти также пустота. А бес-словесно да без-образно – одно бесподобное безобразие и выходит.

Некий намёк на стабильность в жизни когда-то имел место быть. И остался в том мире, который застрял в затенённом уголке пустой памяти. Где-то там, невообразимо позади, по ту сторону старта – только там властвует устойчивая, крайне запутанная, разнообразная, многословная, сложносочетаемая, никем не понимаемая межчеловеческая стабильность.

А здесь... Я с тоской осмотрелся. Выше бесполезных пультов навигации по всему кругу до условного зенита – изогнутый экран Перископа. Ниже – дежурные места для вахты. Бесполезная техника. Напротив люка-двери на палу-

бу, на стальной тумбе-подставке – Путевой Шар, по замыслу Сибруса obligated надёжно ориентировать экипаж. Экипаж, команда? Скорее – пиратский сброд.

– ...Не бойся, Сибирцев, ссор и разборок. Остерегайся эмоций безысходности. В противоречиях – ключ к решению задачи! И пропуск обратно, домой. Потеря веры в спасение – смерть. На забудь, Сибирцев! И помни всегда: лидер – ты! Уйдёшь в тень – пропадёшь.

Так напутствовал меня Сибрус накануне старта. «Не бойся, Сибирцев; не забудь, Сибирцев...» Знать бы, чего бояться. А память... Тут совсем загадочно.

О смерти он ещё говорил: в пустоте, без опоры, без надежды, без озарения. И, кажется, без посмертия. Сам—то он понимает значение всего этого? А если мы перешли все рубежи жизни? И уже не люди, а фантомы, трансформирующие в себе полузабытые ощущения? Суд свершился, и приговорил нас к вечному движению из ниоткуда в никуда, внутри безжизненной бесконечности, где ни прав, ни обязанностей, а двоичный перебор несуществующих вероятностей. Мира в экипаже тоже нет – сплошь затаённые противоречия. Но что-то не слышно приглашения в потерянную жизнь.

В рубке тихо и призрачно. Погода никакая. Путевой Шар молчит. В прозрачной глубине мнимого четырёхмерного минуса мерцают скопища не сотворённых пока галактик. Мне

всё равно, существуют они в реальности или нет. Те и другие в равной недостижимости. И Шару всё равно – даже не притворяется живым и разумным. Блаженное, ничем не озадаченное безделье.

Может быть, огреть его чем-нибудь покрепче? А после и Перископу добавить! Экран жемчужно нейтрален – окно в макромир закрыто. Нет ни выхода, ни входа! Вместо них Ничто и Нигде. В этих словах нечто колдовское, затягивающее. Я приближаюсь к ним, и в одном из кусков разваленной памяти оживает Земля...

Земля – прежде всего Сибрус. Сибрусу я доверял больше, чем себе. Больше, чем кому бы то ни было. Вот и надоверялся! Но так было. Особенно – после исчезновения Илоны. Теперь понимаю – боялся остаться наедине с самим собой. Всё же в Сибрусе есть нечто особенное, притягивающее. Не могу определить, что скрывается в этом «нечто». Как он залез в Шар? Или это призрак Пустоты избрал такое официальное Путевое лицо?

А экипаж у «Ареты» – хуже не придумать. Будто общий враг свалил нас в кучу для смеха и гибели. Лучшие люди планеты, прошедшие жёсткий отбор! По-видимому, и всё человечество несколько не прекрасней. От той мы все яблоньки, от той... В кресло капитана, без сомнения, протолкнул меня Сибрус. Не креслом оно оказалось, а конурой пса цепного, назначенного стеречь единство несоединимого.

Остальные – креатуры Цехов. Знаю, каждый что-то прячет в потайном кармашке. Скрытую цель, второе лицо, камень для броска в спину. Кто что прихватил, кому что всучили.

Немного, совсем чуть-чуть, знаю одного – штурмана. Зачем «Арете» штурман? Не нашли другого слова?

Агуара-Тунпа – свидетель гибели Илоны в небе Марса. С ним ясно – ставленник Цеха Гора. Как и Кертис, специалист по настройке мини-Тарантула, корабельного Путевого Шара. Кертис загадочен, туманен... С первого дня открыто противопоставил себя Агуаре. Как объяснить разброд между людьми Гора-Сфинкса? Они же монолит, семья единая. Внешне Кертис – римлянин; древний, имперский. Из тех, что не могли без власти, оружия и чувственных мальчиков. Жирная пена в котле выкипевшей империи. Но то внешние ассоциации. Внутри он скорее многоучёный латинянин; из тех, кому впору скромная серая тога да перо с бумагой на письменном столе. А не тяжкий винный кубок.

Астроном Андрий, хоть и не обозначил себя чётко, без сомнения, из Розы Мира. Как ни лакируй, ни скреби его, отовсюду выглядывает образцовый славянофил. Нормально. Его предсказать можно. Пока, конечно.

Чего не скажешь о Джино: смазливенький бой без обязанностей, назначенный в последний час. Джино – само изящество. Пик обаяния. Меня от него почти тошнит, как от случайного глотка сгущённого сиропа. Смотрю на него, и ка-

жется: мечтает Джино раздеть капитана до горячей наготы и перещупать длинненькими девическими пальчиками. Так и слышу слащавую любовную просьбу: «Ну же, возьми меня, мой милый!»

Наверное, в один из счастливых дней я его прибуду. Пусть потом катится с любовными обидами к жрецам Гора. Слышал, человека спрашивают перед рождением, кем он желает стать. Думаю, Джино желал родиться женщиной, да почему-то не вышло. Первые дни – или часы? – он бродил за мной, тыкаясь в спину жадным взглядом. Пришлось поручить надзор за внутренним порядком. Пусть попыхтит, наберёт опыт пылеуборочного комбайна. А всё-таки: какая власть за Джино? Кто они, дотянувшиеся до секретной «Ареты»? Тайная четвёртая сила Земли?

Вместе, впятером, мы не собирались уже... Может, никогда не собирались, потому и не помню. Если так – по причине бездействия капитана. А бездействует он потому что боится. Да, признаю – боюсь я общего собрания. Ибо представляю, что может получиться. Начнём говорить-беседовать, и... Рано или поздно выйдем на преимущества одного Цеха над другим. Тема в наших условиях смертоубийственная.

Лучше дожидаться всплытия в трёхмерность. Рядом с земледобным миром. И отыскать там брата по истине. Пусть он будет зелёный, дремуче волосатый, дурно пахнущий... Неважно. Устроюсь с ним на берегу жёлтого пруда под лило-

вым солнышком, прилягу на красно-бурую колючую травку и скажу:

– Привет тебе, брат! Скажи, кто я? И каким должен быть? Где дорога моя? Может, проясним разумы наши глотком...

Стоп! У жёлтых прудов лучше не делать глотков очищения. Волосатые зелёные могут потреблять непитьевые напитки. И не расцветут от наших объятий братских цветные сады под небесами лиловыми. Никуда я не денусь от человеческой геометрии «Ареты», её слепых стен, свободно пропускающих ветер Пустоты.

Страшно. И скучно. Так есть, так было, и так будет.

Земля – та же «Арета», только размерчиком отличается. Там тоже не отыскать брата по истине. Так зачем ностальгировать, если впереди то же, что позади? Если нет разницы между верхом и низом, если правое равно левому?

Это Перископ! Это его мерцание управляет моими мыслями. Жемчуг экрана крутит меж обломков памяти. Сейчас начнётся новый кошмар. И кусок личного мира выплеснется на пустой экран. Отразится в Пустоте. Отражение – правдоподобное присутствие отсутствующего отражаемого.

Принцип Ямы-Сатьи гласит: правда – зеркало истины и реальности. Кто или что этот Яма-Сатья? Пустота нашёптывает: посмотри туда, взглядишь сюда, и увидишь себя. А оно мне надо? Ещё одно ложное отражение в очередном неверном зеркальце...

Официально «Арета» нацелена на поиск братьев по телу в доступной человеку реальной вселенной. Как будто у них, братьев, зеркала правды почище и поярче! Не надо никого искать, бесполезно это.

По экрану справа налево, исчезая за спиной, побежали зеленоватые волны. От волн исходит неопределяемый конкретно, но знакомый шёпот:

– Алису они заставили пить из бутылки. Что у них, стакана не нашлось? Или рюмочки на крайний случай... От бутылки она стала такой крохотной, что уже не могла больше кричать: «Чем дальше, там любопытственнее!»

Шёпот сошёл было на визг, но выправился и продолжил уверенно:

– Волшебное Зеркало они одним ударом молота разбили вдребезги, и пропали все Красные Короли и Устрицы.

Неопределимо знакомый голос утонул в зелёной волне. Бедная Алиса, подумал я. Всё у неё было, целая странная страна. А кто-то пожелал – и всё исчезло. Убрали зеркало, и не стало волшебного мира-видения.

Чей же голос вызвала Пустота из моей памяти? А слова – вспомнил! – взяты из «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери, любимого Илоной. Уважаемого в нашем общем, недостижимом и невероятном детстве.

А любопытственно, Путевой Шар участвует в моих погружениях внутрь себя? Или же Перископ обрёл самодоста-

точность и решил основательно перезагрузить воспоминания капитана?

Я невольно засмотрелся на экран, так невиданно он заиграл цветными фракталами. Предназначено для удлинения ассоциативных цепей. Но за спиной, где люк на нижнюю палубу, в одноместные камеры – пылает нечто супергипнотическое, специально для мозжечковых структур. Это точно, я воспринимаю.

Но такого и предположить было нельзя!

Экран воспроизвёл «Тайфун».

«Тайфун» – космический крейсер, в который Цех Агуары вложил всю свою греко-египетскую научно-техническую страсть. Место моей последней земной работы. Странно видеть его со стороны. И понимать: показывают момент, когда я внутри «Тайфуна». Момент, видимо, предроковой. Добрался-таки Перископ до наиболее точкой! Сейчас начнётся повтор страшных минут, и никуда я не денусь, не оторвусь от видения, как наркоман от дозы.

Готовясь, покрутил головой, стараясь не оборачиваться. Кресла, кроме моего, пусты: свежевывмытая и высушенная серая кожа. Рабочие столы подмигивают огоньками, высвечивают цифирки-буковки. «Арета» делает вид, что служит верой и правдой. Никого рядом. И хорошо – такие воспоминания не делятся ни на сколько. Прячется народ по камерам-норам-каютам, пытаюсь сохранить сомнительную внут-

ренную невинность. Но разве предоохранишься от внешнего безмолвия?

Взгляд застыл, приварился к волшебной плоскости.

...Марсианская орбита.

Строительство завода. Какого точно – не могу вспомнить. Рядом с ним исчезла Илона. Именно исчезла. С той поры слова «смерть» и «гибель» я возненавидел. Они тоже исчезли для меня. Теперь вот явились заново.

Вот оно – начало! Момент аварийного отстрела капсулы – беззвучный бело-жёлтый хлопок.

А вот этого в реальности не было: Перископ красным крестом отметил точку встречи капсулы с метеоритом. Метеорита ещё нет, а крестик – вот он, мерцает. Невидимая неизбежность... Чем занималась служба безопасности завода? Ведь небесный камень нёс на себе имя «Дикобраза», корабля охраны! Взрыв «Дикобраза» раскидал бы половину стройки с сотней операторов-монтажников. Илона состояла в экипаже корабля орбитальной охраны помощником капитана.

Перископ замедлил темп воспроизведения ленты памяти и тем же неопознанным знакомым голосом повелительно пояснил:

– Смотри! Как люди пропустили такую «мелочь»? Сейчас и ты поймёшь. Смотри!

«Мелочь...» Слово произнесено с человеческой горечью. Капсула замедленным ускорением сближалась с красным

пульсирующим крестиком. Да, женщина в капсуле сознательно выбрала такой вариант. Неужели у них не было другого хода? О чём, о ком она думала в последние секунды? Ведь «Тайфун» находился рядом, в пределах оптической связи с «Дикобразом»!

Точка капсулы слилась с центром крестика и – вспышка! И – через малую долю секунды! – новый, более мощный всплеск излучения. И темнота...

– Увидел?

Вопрос для идиота. То есть в самый раз для меня. Я в замешательстве. Я не в силах понять, как эти образцы земной техники, «Дикобраз» и много более могучий «Тайфун», не зарегистрировали вовремя приближение метеорита. И почему потом, как только его зафиксировали, не уничтожили как положено? Как Илона определила, что от нас – и от меня! – нечего ждать? И Агуара. Кем он числился на «Тайфуне»? Не помню... Почему после трагедии я не вывернул его внутренности и не рассмотрел их под микроскопом?

Перископ между тем продолжил:

– Ты увидел, Алекс? Временные параметры взрыва вы не изучили, не так ли? А время решает всё, капитан Алекс.

Я ох как увидел. Но ничего не понял. Физически очень просто: в космосе произошло взаимоуничтожение двух объектов. Статистика околосолнечной экспансии имеет сотни подобных примеров. Да, не простое, а как бы двухступенчатое, двухфазное столкновение. И что? Не один, а два метео-

рита в непосредственной близости... Что неясно?

Я молчал, стараясь соображать. Перископ повторил эпизод в замедленном ритме.

...Первая вспышка! Она заняла на экране метр в квадрате, не больше. Пауза – и новая вспышка! Эта, вторая, осветила всё пространство рубки. Вот так оно случилось на самом деле. Новая, вторая – она и есть взрыв астероида. Но не первая. Капсула не дошла до точки встречи!

– Теперь ты понял, капитан Алекс. Оба события достаточно разнесены по шкале времени. Сделай спектральный анализ. Он покажет: прямого столкновения не было.

«Не было взаимоуничтожения! – открытие ошеломило мой застонавший мозг; мозг идиота – Илона не погибла?! Но что произошло? Как я?»

На экране плывёт мирный Марс, украшенный блёстками земных поселений. Стройка парит в стороне, большей частью за моей спиной. Где-то там и «Тайфун» со мной и Агурой. И «Дикобраз» без Илоны.

– Последовательность такая, капитан Алекс: вначале исчезает капсула с Илоной, затем уничтожается астероид. Вероятнее всего, второй взрыв инициирован следовым излучением капсулы. Что же с ней произошло?

Я с трудом отогнал желание развернуть кресло. Помог приступ страха – у люка притаилось нечто непонятное. И ав-

томатом повторил вопрос:

– «Что же с ней произошло?»

Только думал я не о капсуле, а об Илоне. А тот, кто владел Перископом, продолжал поднимать мне веки.

На экране появилось пятно из разноцветных колец. В сопровождении того же голоса. Я подумал, что и мозг «Ареты» сам, без посторонних из Пустоты, способен сплести этот голос из многих мне известных. Только чтобы сдвинуть равновесие в моём сознании. Остатки равновесия.

– Перед тобой развёртка излучения во времени, созданного объектом, уходящим в вакуум подобно «Арете». Как было при вашем старте. Картинка знакома? Видел на испытаниях Сибруса? Теперь, для сравнения, аналогичный анализ следа капсулы Илоны.

Нет, это не программа, вложенная в «Арету». До такого на Земле не додуматься. Мысль не очень успокоила. Вот и второе пятно, рядом с первым. Тут плюс ко всему три ярких розовых лучика, исходящих от центра. Твёрдо помню: на снимках, оставшихся в архиве Вакуумфлота, розовых лучиков нет. Следовательно, не то?

– Капитан Алекс, ведь люди в испытаниях Сибруса не участвовали? Вы – пионеры. Генерального очень торопили...

Нет, это не Перископ. И не Шар. И не «Арета». Уж крайне хитромудро.

– А без лучей – полная идентичность. Не так ли?

Вопрос не требовал ответа, и я промолчал. Да и кому отвечать? Демонстрация-то ведётся из моей идиотской башки. «Тупая башка» – так выражались мои оч-чень дальние предки. Ногам вдруг стало жарко. Я опустил голову. Плоскость пола закрыл жёлтый песок, знойный ветерок ворошит его, закручивает лёгкими вихрями. У левой ноги застыла серая ящерица, взирая на меня чёрными влажными глазками. Натуральный песочек. Не исключено, именно с той обитаемой планеты, которую нам не мешало бы отыскать. Если очень-очень сильно пожелать, можно там приземлиться. Припесочиться... Я бы остался там. Ящерка симпатичная. Но голос не даёт сосредоточиться. И те, что выжидают в каютах...

– Итак, Илона нырнула в вакуум. Теория Сибруса предусматривает такую возможность. Вспомни, Алекс: для глубинного проникновения необходимо создать вокруг уходящего объекта пиковый заряд, всплеск информационно-энергетического поля, рождённого чувственно мыслящим мозгом. Чувственно! Эмоционально! Человеческим мозгом, к которому подключена машина Сибруса.

Ну-у, закрутил... Ляп ведь получается. У меня даже самочувствие улучшилось. А комочек страха, цепляющийся за затылок, ослабил хватку. Всё-таки мой собеседник не суперсущество из центра Туманности Андромеды. И я не без ехидства спросил:

– Как же она смогла проделать такое без машины, суще-

ствующей в одном экземпляре, на «Арете»? Или техника не обязательна? И есть люди, способные обойтись без...

Он перебил меня:

– Я всего лишь интерпретатор, капитан Алекс. Феномен человека не воспроизвести никакой интеллектуальной системе. Я – всего лишь ингибитор течения времени...

«Ингибитор!» Мысленно я послал его. Очень далеко. В больной голове заворочались тяжёлые камни, стало не до посторонних голосов. Надо подумать самому, без внешних стимуляторов. Я отключил внимание от «ингибитора». Жарким потом обдало лоб и руки. Ведь мне подсказывают: Илона исчезла туда, где сейчас гуляю я с одичалой командой. Вселенная, конечно, бесконечна. Хотя никто не понимает, что это такое. Вакуум превосходит Вселенную во всём. И первое и второе бесспорные заключения проверить никак. Что тут важно? А то, что для вакуума требуются иные мысли и слова. Из тех самых, очень древних запасов.

Великая Пустота – она всюду, во всём, везде. Лично я локален и в пространстве, и во времени. Когда-то меня не было, когда-то опять не будет. Нигде. И длительность, и протяжённость мои – они исчезающе малы. Их почти нет.

Болтливый «интерпретатор-ингибитор» утверждает: человек неисчерпаем. Со стороны, может, так и кажется. А изнутри мне понятно другое: рождённый умереть во всём одноактен, одномоментен. Как ни тянется этот разовый акт, край вот он, ближе локтя.

Последняя демонстрация «великого ингибитора» показала: анализируя себя, я способен осознать всякий раз один только слой собственной жизни, тонкий до крайности и далеко не важнейший. Моё настоящее, где и обитает субстанция жизни – всего лишь лабораторный срез, помещённый на стёклышко под чьим-то микроскопом. Вот только вопрос не даёт покоя: на чьём столе микроскоп?

Экран показал какое-то лицо. Я не вспомнил его, но оно явно имеет ко мне прямое отношение.

Действует Путевой Шар. Они с Перископом сочинили заговор и теперь путают паутину вокруг капитана Алекса. Не нужен им капитан. Они сами с усами.

Где они взяли такую отвратную физиономию? Глаза расфокусированы, с сумасшедшинкой. Усики холёной щёткой с чёрным жирным блеском. Не иначе как обувной крем применялся. А выражение! Родственное сочувствие, по-другому не скажешь. Не привык я к таким родственникам. Да и ни к каким не привык. Неужели он обитает во мне? Если да, надо срочно убирать из себя призрак дурдома.

– Назад, в психоизолятор! – приказал я и мысленно погрозил в сторону усиков пальцем. Сработало. Вместо физиономии родственной явились полутёмные коридоры неведомого подземелья. А знакомый голос, сопровождая кадры, проникновенно зашептал:

– По стенам скользили тени, отброшенные неведомо кем, тут и там висели зеркала, в которых ничто не отражалось.

Опять извлекли отпечаток Рэя Брэдбери. Неужели не найти чего-нибудь более ценного и полезного? А голос я опознал – мой голос, родной до полуузнаваемости.

Странно это...

Интерес мой в другом. Загадка пути отстреленной «Дикобразом» капсулы... А в сознании – вещи далёкие и даже не существующие. Что это значит? Во мне имеется и то, чего нет? Пока нет? Или и то, чего не будет? Приблизительно как в Великой Пустоте.

Только помыслил о «Дикобразе» – экран показал его. Древний, почти ископаемый патрульщик. Я мог бы – и хотел – включить Илону в экипаж «Тайфуна». Но она так упряма...

Назван патрульщик хорошо, точно: этакий сплюснутый, деформированный шар, в щетине катапультных труб и стволов ядерных пушек. Сторожевых и патрульных кораблей постоянно не хватает, вот и сохраняются подобные реликты. Тюрьма, не корабль! Полнейшее отсутствие комфорта, экипаж сидит в герметичных капсулах, рассчитанных на длительную автономию. А боевое оснащение! Дюжина атомных орудий с ограниченным боезапасом да единственный лазерный дальнобой ручной наведения, с примитивным механизмом поиска целей.

Видимо, роковой камешек шёл в мёртвом секторе, недоступном «Дикобразу». Иначе его поймали бы вовремя, ребят

для такой работы подбирают серьёзных. Они заметили его у критической зоны. Тут не применить ни ядерный заряд, ни лазер – последствия удара обязательно распространятся на орбитальную стройку. Оставалось одно – выстрел капсулой, ведомой пилотом-смертником. По-другому никак. Илона рассчитала точно. Уверен, подобный расчёт проделали все в экипаже «Дикобраза». Наверняка проделали. Но только у неё хватило решимости и первоочередной реакции.

Никто другой не успел, не смог. Она использовала единственный шанс! Не знал ты Илоны, Алексей Сибирцев! И не узнал бы, если б не квазиразумная техника «Аре-ты». Неужели так и вышло? Илона поменяла пространственно-временную систему координат на скользящее теневое пребывание в безжизненной сетке вакуума?

Усатый беглец из психдома, покинув рубку, посетил каюты и разбудил спящих. Каждый принял его за сигнал сбора. Разместиться все пятеро могли только в рубке.

Потрясённый внутренним открытием, я старался не замечать обращённых ко мне лиц и взглядов. И хорошо – дружелюбия и понимания они не излучают. Экран прекратил трансляцию внутренних образов из подсознания, но я понимаю: Перископ и Путевой Шар вовсе не отключились от зондирования моей памяти. Скорее всего, они подсказывают

молчанием: всё по-прежнему, всё как требуется для постижения правды и истины.

Агуара-Тунпа, по праву штурмана и давнего приятеля капитана, первым бросил горящую спичку в приготовленный костёр.

– Мы что, в гостях у Римана или Лобачевского? Или вернулись домой, к Евклиду? Алекс, зачем ты разбудил сразу всех?

Я потёр влажными пальцами припухшие веки, перевёл взгляд с Агуары на отрешённое лицо Кертиса и поспокойнее сказал:

– Я никого не будил. Вы знаете, я предпочитаю индивидуальную работу. И впятером нам собираться опасно, можем расщепить интеллект Шара.

Коричневая боливийская кожа Агуары посветлела. Рвался наружу гнев. А я подумал: штурману приснился тайный цеховой ритуал. О них легенды ходят. И теперь Агуара не знает, на ком сорвать злость и тоску. Но вопрос правильный: кто и зачем их собрал, впервые после старта? Нужен разговор. Надо его начать и продолжать до той секунды, которая делает общение невозможным.

– Обстановка обычная. Кривизны никакой: ни в плюсе, ни в минусе, ни в нуле. Но мы ведь знаем – кривизна пространства вещь чисто гипотетическая. Плоская Вселенная или кривая, или вообще никакая – какое это имеет для нас значение?

Мне удалось улыбнуться. Агуару мои слова успокоили, и он перестал искать цель для нападения. Но костёр разгорался и его пламя неожиданно коснулось Андрия. Неожиданно потому, что ставленник Розы Мира Андрий – славянофил до мозолей на ногах, он оттуда! – ни при каких условиях не мог задеть меня лично напрямую. Ибо во мне те же русско-славянские корни.

Но где они гнездятся, эти корни? В крови их не нашли. Может, в способе её течения? Один из психологов Космоколледжа однажды предупредил: бывает так, что кровь по мозговым извилинам начинает течь вразброд и вкось. А если такое всегда? Они любят говорить: боливийская температура, славянский дух, египетская мудрость... Перемешай слова в любом сочетании – и ничего не переменится. Этот мир стоит на бирках, на вывесках, на психоделической реакции, на тайных взаимодоговоренностях. Что напишешь – то и прочтёшь. И неважно, что там, за словом. Сегодня я тебя дурю, завтра ты меня... По-другому никак, иначе вскрыется звенящая пустота.

Вот и переплелись пустые слова, и сотворился колдовской клубок связей человеческих. Развяжется – столько всего обнажится, что бежать станет некуда. Андрий дёрнул за ниточку, связующую его с капитаном. Слабую, но крайне важную ниточку. Кому это нужно? Что есть Андрий без Розы Мира? – Капитан Сибирцев увлёкся Сибрусом и его идеями. Слишком увлёкся. Капитан не примкнул ни к одному из Це-

хов, не склонился ни к одному из опорных столпов цивилизации. Такое ненормально. Такое искусственно ставит капитана выше каждого из нас. И выше Аватары. Как и Регента-Предтечи. Как и других... Мы не вернёмся, пока сияет такое величие. Нет равновесия... Сибрус себя развенчал. Пора и Алексу...

Из Путевого Шара выглянуло удивлённое лицо Сибруса. Перископ настороженно мигнул экраном.

– Какие-такие столпы? Может, столбы? Сказано «как и других...» Каких-таких других? – в явном недоумении спросил Сибрус и растворился в Шаре.

Вот так: корабль живёт. Он реагирует, смеётся, провоцирует. Фантом-Сибрус явился вовремя. И я принял вызов:

– Это как? В каком таком смысле развенчал себя Сибрус? И каков был тот венец? О Андрий, твоя цеховая отстранённость от научно-технических основ...

Я не закончил фразу. Андрий отреагировал как свежепохмельённый запорожский казак на пересёкшего линию горизонта шляхтича. По пшеничным усам ударили тупым серпом, бритый череп заблистал красками забытых боёв. Голос зазвенел взметнувшейся на ветер саблей.

– Да твой Сибрус не авторитет в физике! Скорее – в лирических нюансах. Напомнить? Его попытки «новиковских» пробоев пространственных складок ничего не принесли. Сибрус взялся за нуль-транспортировку. Опять провал! «Кротовые норы» не пожелали ему открыться. Он отожде-

ствил тёмную материю с вакуумом – его никто не поддерживал. Этот вакуум-переход – его личная идея! Очередная пустая затея. Лет пять назад по настоянию Цеха Гора-Сфинкса, его околонаучную группу расформировали. Разогнали! Да недавно кто-то там что-то увидел и ему вернули в руки знамя. Да, конечно, и Роза Мира поддержала Сибруса. Иначе меня бы тут не было.

Андрей сделал остановку, глубоко несколько раз вздохнул и, собравшись с силами, попытался продолжить. Главное – он раскрылся! Роза Мира всё-таки... Но шеф Перископа астроном Кертис не дал завершить сабельную атаку.

– Не путай карты! Мы тут тебе не мальчики для битья и не девочки для утех. Все знают, откуда пошло возрождение группы Сибруса. Где-то в Мезопотамии хранится с древних времён нечто. Начали искать. Сибрус сказал: не надо искать не знаю что не знаю где. Даже так он сказал: не ищите иголку в стоге, она у меня на ниточке висит. Ему поверили. Но тут ты прав – что в результате имеем мы лично?

– А что в результате? – неожиданно для меня вступил в беседу Джино, – Нормально. «Арета» в походе, на курсе. Ведь застряли мы не где-нибудь в Атлантике, а в вакууме. В самом что ни на есть Преддверии!

Как-то не по-джиновски выступил Джино.

Да-а...

Путевой Шар показал сибрусовскую одобрительную улыбку. И мне показалось, что слышу знакомый смех.

Да-а... Психдомовская аура и не думает развеиваться. Напротив, она сгущается. Вот и Кертис...

Кертис критически глянул на подведомственный Шар, с презрением посмотрел на готовые к жатве усы Андрия и с нескрытой издёвкой заявил:

– Сибрусовский вакуум – это платоновский **меон**, то есть **не-сущее**. **Сешета маат**...

Что тут скажешь? И я воззрился на куратора Путевого Шара с осознанным пиететом. Именно с «пиететом» в подобных обстоятельствах смотрели мои древние предки. Крайне древние. Сешета Маат – тайная истина. Кертис в общении переходит на древнеегипетский? Так он скоро начнёт пользоваться не словами, а образами. Как тот самый мифический Гор в истинной жизни.

– Ну-у, родные мои, – заявил я с оттенком сомнения, – Будем справедливы к неоспоримым заслугам. Это Сибрус перевёл хитрое понятие «шуба» из поп-слоя физической теории в практику вакуумплавания. Если б не сибрусовская «шуба», ещё с тысячу лет возились бы с суперструнами.

Я заставил себя посмотреть на Джино. Вопрос возник. Ибо есть основательные сомнения по поводу образованности неизвестного суперкосмонавта вне штата и обязанностей. Кто он здесь? Джино проглотил наживку без раздумий. Или разгадал смысл хода и принял игру?

– Шуба? Какое отношение имеют шкура с шерстью к геометрии? К тому же мировой?

Какой-то чрезвычайно неграмотный вопрос! Ответил штурман, невольно или вольно продолжая мою мысль:

— А такое, что мир скроен из кусков и кусочков. Как и твоя очаровательная драгоценная личная шкура. Популярно: ты сам кусок неоднородной геометрии. Неясно пока, какой. В смысле тёмной скрытой или же светлой видимой. Но «шуба», о которой упомянул капитан, не из класса геометрических конструкций.

Агуара-Тунпа открыто заявил — совсем небезосновательно — что вне Цеха Гора-Сфинкса народ ходит тупо невежественный и пропадает без перспектив вознесения, задавленный смертными объятиями здравого смысла. И теперь, торжественно перехватив инициативу, он с превосходством знающего оглядел собрание невежд и продолжил. Зачем и для кого? Я слушал его вполуха, с интересом наблюдая за игрой светотеней в рубке. Источников света не наблюдается, а тени бегают. Туда-сюда, сюда-туда... Почему больше никому не интересно? У Агуары фундаментальная подготовка. Как он легко о видах взаимодействия, о полях промежуточных бозонов... Вот — о фазовых переходах что-то... Да ими можно объяснять что угодно. Объяснение и реальность — всегда не одно и то же.

Одна из теней повела себя индивидуально, обрела человеческий контур и застыла справа от входного люка, рядом с Джино.

Агуара повествует о доменных стенках, разделяющих раз-

личные слои вакуума, пронизанных бесконечными и конечными струнами. Теория, сухая и безжизненная. Но он молодец. Без общего понимания вакуума к «шубе» Сибруса не подобраться. Вся «Арета», включая экипаж, погружена в «шубу». Мы пропитаны ею насквозь, от клетки мозга до последней элементарной частицы. Если только они, клетки и частицы, ещё имеют место быть. Но, как ни крути, мы тут и внутри, и снаружи усиленной, реализованной Сибрусом виртуальной «шубы». Она-то и закрыла нас от макространства. И, естественно, от макровремени.

С одной стороны, лучше знать об этом побольше. С другой стороны, лучше не задумываться, иначе страх грозит захлестнуть то, чем обычно думают. Тогда дурдом покажется эталоном спокойствия. Тень у люка колыхнулась, из серой стала зеленоватой, как морская волна на закате. На что она реагирует? На мысли или слова? Надо прислушаться к Агуаре.

– Всякая частица окружена облаком виртуальных частиц. Они как бы и есть, и – их как бы и нет. Это и есть «шуба», постоянно являющаяся и исчезающая. Для примера возьмём электрон. Ты знаком с электроном, друг Андрий?

Друг Андрий молча жуёт половину уса. Взгляд его обращён в сторону зелёной тени, но её он явно не замечает. Но не слышать Агуару не может.

– Так вот, электрон окружён электрон-позитронными виртуальными парами, живущими в чистом вакууме. Само

собой, минусы отталкиваются, а плюсы притягиваются. Так электрон приближает к себе растущую позитронную массу, и – увеличивает собственный заряд. Процесс идёт – и вот, наступает скачок, фазовый переход, и наш электрон проваливается в вакуум, делается как бы виртуальным.

– Ваш электрон! – неожиданно уточнил Андрий, – Не наш, а ваш электрон проваливается. Туда ему и дорога.

Зелёная тень согнулась пополам и заколыхалась. Смеётся она, что ли? Но Агуара молодец, не обиделся, и красиво, откинув цеховые предвзятости, подошёл к выводу из своей речи:

– На «Арете» действует пси-генератор виртуальной шубы. Можно и во множественном числе – виртуальных шуб. Генератор – он же конденсатор – делает шубу мощной, плотной. Так что в ней – или по ней – можно как бы «скользить» во внутренних слоях вакуума. Конкретно область, или слой вакуума, в который мы проваливаемся, определён потенциалом пси-генератора. А он замкнут на экипаж и мозг шхуны. Иначе мы в миг старта разлетелись бы на мириады частичек. А пока – дорога у нас одна и общая. Возможно, к счастью.

Агуара победно улыбнулся и приложился бледными губами к бутылочке. Я присмотрелся и удивился. На этикетке красуется надпись: «Пиво Жигулёвское. Первый холодный отжим». Но беспокоиться не стал. В наших условиях и отжатое на морозе пиво не во вред.

Кертис, Андрей, Джино... Как-то они легко переварили лекционный пыл Агуары. Андрей почесал пальцем свешивший желтизной череп, привёл усы в мирное положение и с тёплым ласковым вздохом произнёс:

– Эх, ребята... Выпали мы из родного Энрофа, растеряли координаты-опоры. Все четыре как одну, в один лишь миг.

Джино снова поразил. На сей раз Агуару. Это поначалу.

– Мы тут, к сожалению, пользуемся разными словарями. Вот Агуара и считает меня полным идиотом. Какую лекцию закатил! Но дурачком в нашем положении быть полезнее. Для всех. Уверен: будь мы все идиотами... Тогда ноль проблем с возвращением. Плюс и прокатиться смогли бы. Куда душа пожелает...

Из Шара попыталась высунуться какая-то фигура, но ей не удалось. Экран замерцал скопищем неизвестных звёзд.

Джино очень ловко и женственно придвинулся ко мне; пальцы левой руки нежно коснулись моего колена. Я инстинктивно отодвинулся. Глаза Джино погрустнели, и он продолжил говорить, обращаясь уже к звёздам:

– Начальное образование у нас приблизительно одинаковое? Есть же федеральное соглашение по этому вопросу. Каждому ещё в детстве втолковали: единственная реальность во вселенной – или в Энрофе, без разницы – живой мыслящий дух. А если так...

Джино вздохнул и томно, и мечтательно. По рубке распро-

странился аромат оранжерейных цветов. По запаху – из коллекции вождя Розы Мира, знаменитой на весь мир.

– А если так... Прочее и остальное, включая и шубы, и голые клеточки – лишь тень и эхо того духа. Ведь так?

Оспорить столь фундаментальное по своей официально-сти утверждение не взялся никто. Навыка на то не имелось.

– А если так... В нашем вакууме, как я понимаю, имеется избыток, может и максимум, несуществующего. Дух действует, дух. В непроявленной форме.

Я посмотрел на люк. Тени нет. В коллекцию Аватары добавился новый пахучий цветок. Тоже в непроявленной форме. Шар молчит, звёзды собираются в хитрые созвездия.

– А в нашем случае, поскольку все мы родом из Мезопотамии... В нашем случае мы попали в особо тонкие состояния материи. В состояния, весьма приближённые к духу. Вот эти состояния и есть истинная шуба мыслящего существа. В нашем случае, в наших условиях...

Я с трудом удержался от аплодисментов, – Джино раскрылся, словно таёжная лилия в солнечный полдень. Куда тут Агуаре с цеховой цифирью. Вот и смотрит теперь штурман на «лишнего» человека как на привидение. А тот принялся самозабвенно воспроизводить древний источник, заученный, видимо, тоже в детстве, во времена «обязательного» образования.

– «...ничто не исчезает, даже в **непроявленном состоя-**

нии. Как в начале, так и в конце все элементы существуют в непроявленном состоянии, лишь в **промежуточном состоянии** они проявляются, так что это не составляет никакой разницы даже с материальной точки зрения».

Я задумался. О чём это он? Просто так тут никто и не чихнёт. Об иллюзорности всего материального? Но на практике этот призрак может загнать живую душу в такой переплёт, что выбраться и вечности не хватит.

Джино завершил контрудар по Агуаре весьма изящным выпадом:

– Движение вещества и энергии – всего лишь непреодолённая иллюзия индивидуального духа, нашего сознания. Чары материи, обволакивающие нас подобно вечерним платьям – препятствие к подлинному освобождению. Но их можно обойти!

Итак, всего то... Раздеться, оголиться, обнажиться... И свобода приручено заурчит у голых бёдер. Я склонился к дилемме: или он действительно идиот, или же Великая Пустота проникла в наши вечные души и лепит из них образы невиданные и невидимые. Джино глубоко мыслит... Пустота – причина серьёзная, и в этом плане она вездесуща. А Джино весьма женственен. Приторно, липко... Откуда он взялся? Бродят слухи о всяких сектах. Пытаются освоить нетрадиционные и забытые подходы к дрессуре законов мироздания. Роятся в реликтовых манускриптах. Если он оттуда, то они весьма могущественны.

О, что это с Кертисом?!

Путевой Шар отразил его лицо, и два Кертиса принялись спорить. О чём? Я прислушался. Интересно: о лечении иссякшего интеллекта ароматами. Выходит, непроявленный цветок Джино вполне объективен, всех достал.

В рубке тишина, если не замечать шума от Кертисов. Самоуглублённая в саму себя тишина. Можно молчать, можно кричать. Все одно, из пустоты пришло, в пустоту уйдёт. Нет ничего, кроме неё, родимой. Великая Мать-Пустота в непредсказуемой пульсации рождает звезды, суперструны, обезьян и Цеха... Вдох-выдох... Появление-исчезновение... По законам непознаваемых ритмов. Беззаконных ритмов. Таковое в принципе не изучаемо. Никаким разумом. А потому и смысла не имеет. Зачем же терзать жалобно стонущий мозг?

Кругом головы завертелся холодный вихрь. Мозги заledenели. Я потёр уши горячими ладонями. Потеплело. И, имитируя командирский тон, обратился к Агуаре:

– Штурман! До сего часа я считал, что цель прыжка «Аре-ты» в вакуум – достижение обитаемых миров. Или?

– Да, – согласился Агуара; он легко переключался, – Обычный полёт бесперспективен. Люди в космосе рожают даунов и прочих нестандартов. Живому человеку в разумном виде звёзд не достичь. Легендарная технология древних поколений недостижима. Сибрус думал именно о том, что

ты сказал.

– А я что-то сказал? – удивился я, – Я всего лишь заметил, что ничего не понимаю. А с этого часа почти убеждён – у каждого из нас цель своя. Нет общей цели! Обитаемые миры – лишь вывеска, пустой фантик. Но ты же штурман! Мы не можем бороздить мир одновременно в разных направлениях. Или можем?

Но штурману, видимо, всё равно, куда идёт его шхуна. Он придвинул кресло к Путевому Шару и встрял в спор между Кертисами. А те приступили к обсуждению проблемы межрасовой совместимости среди обезьян. Неужели таковая и у них существует?

«Чтобы вернуться, надо мыслить мощно и едино». Так сказал Сибрус. Но даже у меня, капитана, сегодня своя, личная цель – капсула Илоны. Она тут, в нашем вакуум-слое. Погрузиться глубже она не могла. Если только её не выбросило в невообразимо удалённые времена-пространства. Вакуум воздействует на экипаж. Ещё вчера сегодняшний сеанс связи с собственным подсознанием был невыносим. А только что прозвучала опасная фраза: «Мы родом из Месопотамии». Если проникновение в вакуум связано с достижениями месопотамского Вавилона – тогда плавание обернётся очень плохо. Плохо для всех. И для тех, кто остался за бортом «Ареты». Сибрус упоминал о подобной возможности. О некоем Вавилонском варианте... Пугающее прозрение, и возросло оно не на пустом месте. Но и не без влияния ва-

куума.

Внезапный приступ холода вызвал жаркий пот. Дрожащей рукой я принялся искать платок.

Вавилон сгорел на том, что возжелал обрести небеса, игнорируя волю Хозяина. Вавилонская башня – аллегория. Они там сотворили нечто подобное «Арете». И если Илона смогла... Те жрецы были весьма информированы.

В каждом Цеху отрабатывается своя процедура Спасения. Вот зачем они копают в тысячелетних песках! Понимает ли Сибрус, что его открытие может привлечь проклятие на весь род человеческий? Тогда диспут Кертисов и Агуары относительно обезьян воплотится в земное бытие. Впрочем, незаслуженных проклятий не бывает.

Сибрус как-то – десяток лет тому – заговорил о Зеркале Мира. Или миров? Как жаль, плохо помню тот разговор. Да и неопределённо говорил учитель, туманно. В частности, о том, что вакуум с его состояниями – физическое приближение к тому Зеркалу. И о том, что во времени и пространстве путь к нему бесконечен. Но это – путь счастья, блаженства.

...Ограждение садов райской вечности...

Вакуум?

Или таинственное Зеркало?

Разве не в Рай стремился Вавилон?

В рубке похолодало сильнее, от звёзд Перископа задуло

мелким колючим снегом. Штурман неожиданно доложил, что климатическая установка бездействует, перемен погоды не фиксирует. И снова вернулся к беседе Кертисов. Вот как! Оказывается, есть на шхуне и такая аппаратура! Ну какой я капитан?

Андрей закутался в синтезированный вакуумом жёлтый тулуп. Одной иллюзией защитился от другой.

Зеркало, зеркало, зеркало...

Шару надоели Кертис с Агуарой. До того Шар с Кертисом был на дружеской ноге. Думаю, потому, что тот в экипаже самый старый. И он итальянец из расплётённой по миру греко-египетской диаспоры. Это к тому, что в достартовой жизни он мог знать Илону. Она из того же сообщества. Кертис – спец высшего класса, но его квалификация на Арете равна роли Джино-уборщика. Все мы тут бесполезные символы.

Снегопад закончился, снежинки растаяли. Путевой Шар воспроизвёл сигнал сбора и тут же из всех динамиков зазвучал жёсткий голос молчащего Агуары. Голос профессионально штурманский, но фразы... Не агуаровские фразы, а...

– Отроки неразумные! Комментаторы тараканьих скачек, пропагандисты загнивших устоев! Послушайте, друзья-страдалцы, мудрость серую, грамоту изначальную. Создавая кругом себя усиленное пси-поле, единица Разума увлекает

в вакуум себя и среду, в кою она логически вписана. Виртуальная «шуба» – оболочка элементарных частиц – меняет качества. Возникает эффект, названный братом моим Сибрусом «скольжение в шубе». В результате реальный предмет переходит в иное состояние. Связи с прежним миром теряются, и новое состояние можно определить как физическое инобытие... Есть порог, критический уровень поля, который требуется для этого. Но первое и неперемнное условие перехода – пассивное состояние чувств субъекта, внутренняя пустота. А она приходит после взрыва...

– Вот! – радостно прервал Кертис излияния подведомственного Шара, – Обуздай желанья, входящий в нору Великого Крота! Украти обезьяньи инстинкты. Тогда и обретёшь счастье...

– Ты это кому? – с угрозой спросил Агуара-Тунпа, мрачный и напряжённый.

Неужели бросится на собрата по Цеху? Но невероятного не произошло. Кертис среагировал раньше Агуары.

– Нет. Это я другу и товарищу по прошлому воплощению, дорогому визави Анри Пуанкаре. Он мне не раз говорил, а после записал такие слова: «Я-подсознательное» не является низшим по отношению к «Я-сознательному», оно не является чисто автоматическим, оно способно здраво судить, оно имеет чувство меры и чувствительность, оно умеет выбирать и догадываться. Да что говорить, оно умеет догадываться лучше, чем моё сознание, так как преуспевает там,

где сознание этого не может».

– А кем ты служил при товарище Пуанкаре? – по-казацки просто поинтересовался Андрий; переселение душ для Цеха Розы Мира вовсе не непреложный закон; Роза Мира сама издаёт законы бытия, – Писарем-биографом? Сторожем при клозете?

Кертис не обиделся.

– Меня звали Эмиль Бутру. Я должен известен тебе как спиритуалист. Специалист по вызову духов. В те годы нас было... Было достаточно.

Он сделал паузу, чтобы оценить реакцию на откровение. Имя действительно известное. Наследие Бутру входит в список Сибруса для кандидатов в вакуум-плавание. Видимо, Кертис основательно изучил труды спиритуалиста.

– Ещё будучи Бутру, я поддержал друга Анри и объявил, что бессознательное в человеке превосходит сознание во всём. Во всём и всем! Так что придётся нам признать, что сознанием и логикой мы ничего не добьёмся. Все тонкие чувства, озарения, нюансы веры – все они замкнуты на подсознание или, точнее, на бессознание, на свободное познание. Попробуйте не согласиться!

То был момент торжества подсознательного в Кертисе.

Кертис поразил не только меня. Озадаченный Агуара за-

был, что настало время его дежурства, а капитану пора на отдых. Напоминать я не стал. Уходил экипаж молча. От встречи никто ничего не получил. Я в том числе. Было у меня желание создать эмоциональную свалку, взорвать атмосферу взаимной нелюбви. Кое-что, правда, прояснилось, но интегральная составляющая ситуации не стала прозрачнее. Так что надо мне побыть одному. И здесь, в рубке, ставшей нервным центром «Ареты». Уточнить, кто же я такой, Алекс Сибирцев. Кто я есть и для себя, и для людей.

Было время, считалось: разумность – признак социальности. Эксперименты показали, что Маугли не менее разумны, только мыслят и общаются они в иной системе координат. И лягушка вполне может стать принцессой. Сегодня я убедился: мы, пятеро, не общность. Мы одиночки, Маугли. Наши системы речи, мышления и прочего – лишь пересекаются, но не совмещаются. Волк, овца, баран, лев... Лев? Кто тут царь зверей-то? А может, все мы просто обезьяны? Из разных стай...

Ребёнок – человек иной цивилизации. У него нет иллюзий, настоянных на мутной воде стереотипов. Потому я и не помню себя в детстве.

Не помню ни отца, ни матери. И не искал их, рассчитывал в судьбе на себя. Один из северных интернатов Розы Мира... Как я туда попал, до сих дней не понимаю. Попал и стал объектом насмешек. Ребят заценили мои уши и глаза. Сliš-

ком большие. Я терпел месяц, потом отыскал в Шумерском пантеоне Дингира – божество с громадными ушами и глазами. Оказалось, они символизируют мудрость. Меня оставили в покое. Перед духом религии нас учили трепетать. Но отличать духовность не натаскали.

Много позже Сибрус нацелил меня отделять идолов от Божества. Оказалось, понятие «религия» люди расширили до антисмыслов. Слово получилось резиновое, растягивающееся по любому желанию-капризу. А многим другим Сибрус по жизни не встретился.

Роза Мира воспитывала красиво и увлекательно. Зооогика, метапсихология, мета-пара-что-то многое... Звучит как песня-заклинание и посейчас. Один курс духовной эволюции человечества чего стоит! Я не знал тогда, что интеллектуальное вовсе не обязательно духовное. Но как привлекательно в той эволюции сплелись история арийской философии, зодчество шумеров, звёздная технология атлантов...

Учился без особого упорства, но легко. И самонадеянно взял на прицел Всемирную религиозно-философскую академию. После неё – неизбежное включение в элиту северного цветка планеты. Дух захватывало... Но Цеху не хватало кадров вне собственной организации. Мне вживили молекулярный чип контроля, сделали курс инъекций специальной психической подготовки и – я в федеральном колледже особо одарённых детей, на тёплом острове Ста Городов. После холодной России – почти рай. Илона приехала туда из горя-

чего Египта и поначалу мёрзла. Колледж и определил наши судьбы. Ибо там, кроме всего, выявляли приоритетные ода-рённости. И как-то само собой мы с ней избрали космос. Избрали, а после колледжа разъехались: она – домой, я – в резерв Цеха. Но «мы» для нас успело стать важнее «я».

Отдельные судьбы стали одной, но предопределилось единство много ранее. Да кто способен разгадать тайны предназначения?

Вот, только задел болевую точку, и экран замерцал. Я замер – эксперимент со мной продолжился. И всерьёз, по-настоящему – на сей раз ожила встреча с Илоной, ставшая началом... Да, именно тогда явно определился ход нашей с ней жизни. В соответствии с предопределением.

Замерев в трёх шагах, она ироническим прищуром оглядела мой комбинезон. Кругом плавился тридцатиградусный июль, и комбинезон смотрелся вызывающе смешно. Всё равно что бельё с подогревом в римской сауне. Я терпел, кося взгляд на значок Космоколледжа. Видит она его или нет? Она увидела и усмехнулась. Чуть повела губами, так, что можно и не заметить. Кто другой и не заметил бы. Но во мне царили кастовые комплексы. И я тут же выпал из первой шеренги на обочину повседневности. А на обочинах не принято красоваться тем, что не внутри, а снаружи.

Но марка – вывеска! – Космоколледжа держала цепко. Ущемлённое самолюбие...

Когда-нибудь смогу с ним расстаться?

Не отвожу взгляда от безжалостного экрана Перископа. Смотреть на себя со стороны через столько лет... Как же я был глуп и самонадеян. А Илона – маленькая, хрупкая, но уже взрослая, уже мудрая не опытом, но инстинктом. Да, так и было: я не сошёл с тропинки, не уступил ей, не сказал нужных слов, не... Нескончаемая вереница «не»!

Именно в тот год стартовала Эра Вторжения в Надземелье. Технотронная суперцивилизация, ведомая Федерацией номинальных государств и реальными Цехами, рванулась в Небо. Не оглядываясь, не смотря под ноги. Кто из нас думал, что на деле открывается Эра Скорпиона?

Срочно требовались свежие куски жизненного пространства. И многочисленные жертвы на межпланетных трассах не ослабили космический прессинг. Соперничество меж Цехами гасило любые призывы пересмотреть стратегию экспансии. Цена выпускника Космоколледжа взлетела к звёздам.

На Илоне – лёгкое розовое платице. Как облачко на восточной заре. Что ж, её – в отличие от меня – было кому наряжать. Папа, мама, бабушки, дедушки, дядечки, тётечки... Полный семейный набор. Илона улыбнулась, тем же ехидно-критическим взором окинула помещение рубки. Я похолодел: сейчас она шагнёт внутрь «Ареты», и соединится

несовместимое.

Но нет... Кто меня пощадил? Биомозг «Ареты», вакуум?

Тропинку у моря мгновенно заместил Зал Памяти Космоколледжа. Галерея живых портретов Героев. На постаментах красного золота четырёхмерные фантомы. Можно поговорить, пожать руку, поправить складку одежды. По поверью, в лунные ночи они сходят с пьедесталов, собираются вместе и вспоминают то, что неизвестно живым.

Сколько раз Галерея раздвигала-расширяла стены? Уверен, приготовлены пять мест для экипажа «Ареты». Передо мной медленно проплывают фигуры, лица. Кто улыбается, кто смотрит с серьёзной печалью. Не хватает увидеть самого себя. Что будет означать: мы не вернулись. Не вернёмся...

Смотрю и вспоминаю. Впервые за столько лет, и – по принуждению. Не хватает человеку Земли ни времени, ни сил, ни желания оглянуться на пройденный путь. Оглянуться и попытаться увидеть, в какие моменты судьбы свершились как нужные, так и крайне сомнительные повороты. Разве нет у человека такого дара, как свобода выбора?

Не знаю, сколько сейчас Героев в Галерее. Число их пропорционально уровню человеческой активности в Космосе. Курсантов готовят на пределе психофизических возможностей. Выпускник Космоколледжа отличается от обычного землянина, как полубог Геракл от смертного троянца.

«Надземельцами» лётный состав назвали затем, чтобы от-

делить от работников стационарных космостанций, лунных и марсианских поселенцев, специалистов инфраструктуры космоса. Из этого «Над...» струился свет околобожественной значимости. Так создавался престиж. И росло население Галереи. А действительный смысл гордого «Надземелье»... В своём элитарном круге опытные космолётчики именовали себя «безземельцами». Но сколько из них так и не успели дать себе истинную оценку? Став капитаном, я попытался препарировать стратегию кураторов Космоколледжа. Но альтернативы действующему порядку не нашёл. Похоже, безмерные цены продвижения в Небо нельзя было сбросить ни на один пункт, ни на одну жизнь. «Надземельцы» платили дань беспрекословно: людскими жертвоприношениями и невозможностью оставшимся в живых вернуться в обычное земное бытие.

Программу подготовки курсантов полностью засекретили после моего выпуска. Федерация опять уступила Цеховым вождям. Что и зачем скрывать? И от кого? Теорию и практику космонавигации? Курс обеспечения безопасности космическихстроек? Или психологические основы контакта с внеземными цивилизациями? Ну, может быть, некоторые моменты психофизической подготовки, закрученной вокруг интегрально-восточной системы.

Мало что вспоминается в деталях. Разве что трёхмесячное участие в научной экспедиции Академии Розы Мира. Знаменитые пещеры Марса... Свежие, не тронутые земным

любопытством — их только что открыли. Открыли и через месяц закрыли. Почему закрыли, и сейчас не знаю. Марсиане не оставили ничего из своей технологии. Только образцы искусства, исполненные невероятно живыми, превосходящими диапазон человеческого восприятия, красками. Мне повезло. В прорытых под пирамидой Вечного Ужаса ходах нашёл два осколка неизвестного прозрачного минерала. О, то были волшебные камни! В глубине их светили и двигались мириады искр-огоньков. Сравнить не с чем. Земля тогда не имела ни «Ареты», ни Путевого Шара. Если Шар сделать твёрдым и разбить на кусочки, получится примерно то же.

Один камешек подарил Илоне в день её двадцатилетия под видом амулета. Он ушёл вместе с ней. Тот день рождения она встретила стажёром на рейсовом крейсере-челноке «Луна-Фобос», командование которым я только что принял. Второй камень вошёл в коллекцию Цеховой Академии.

И секунды не вернуть. словно приснилось нечто, похожее на жизнь.

...Где-то происходит настройка. Экран Перископа лихорадит. Изображения наслаиваются друг на друга, искажаются... Понимаю: сталкиваются разновременные пласты моей памяти, идёт ориентированный психопоиск. Неужели вакуум? А возможно ли отсюда воздействовать на своё прошлое? Изменить хоть что-то?

Поток воспоминаний продолжает течь, меняя направления и скорость, натываясь на пороги...

Режим посещения Колледжа «посторонними» ужесточался не раз. Пошла охота за методиками и отдельными приёмами обучения космолётчиков. В то время Цеха, как и федеральные органы, отрицали за собой такой интерес. Курсантов перестали допускать к участию в континентальных спортивных состязаниях. Впрочем, закрыли от нас не только спорт. Любые конкурсы вне стен Колледжа стали табу.

Из экипажа «Ареты», кроме меня, школу Космоколледжа прошёл Агуара. В какое время – неизвестно. Лет он моих, но я его там не встречал. И общих на двоих знакомых по Колледжу нет. Но то, чем он обладает, получают только там. Почти мгновенная реакция мысли; точность выводов, решений, действий... И, конечно, взрывная сила и феноменальная выносливость. А ещё: иной, не общеобычный, склад ума, иное мышление, иная логика. Отсюда замкнутость, элитарность. И – престиж профессии. Многие из этого набора в Агуаре не проявляется. Он хорошо себя контролирует.

Экран вернул-таки Илону в розовом. Тропинка в том месте проходит рядом со скалистым обрывом. Сейчас хорошо вижу: море на редкость спокойное, от берега до горизонта

в полосах нежных тонов, от голубоватого до зелёно-фиолетового. Отражённая радуга моря... Недалеко – жёлто-серое пятно рифового поля. Предупреждающих знаков не вижу и теперь. А службе охраны жизни на Земле народ доверяет абсолютно. Я, стоящий в престижном комбинезоне – частичка народа. И уверен: особого риска в красивом прыжке в воду нет. Всего-то до воды метров двадцать.

Хотел я показать, как это делается. Да не успел, не получилось демонстрации. И с того момента в нашу с Илоной жизнь внедрился неизменяемый закон-аксиома. В соответствии с ним Илона до последнего дня опережала меня в критических ситуациях. Причём в каждом отдельном случае предугадать её поступок не было возможности. Я пытался настраивать себя на готовность к упреждению. Бесполезно. Трагедия на «Дикобразе» – не случайность. Илона в последний раз защитила меня. Как и на сегодняшнем экране, только тут – в первый раз.

Чей-то голос повторил во мне: «Не успел...». Голос личного суда.

Красиво идёт показ. Точность ангельская, непревосходимая.

Да, первым я не успел. Но выучка Колледжа! Я мигом понял: Илона угадала мой порыв и опередила его. Растерянности нет, где-то внутри сработал переключатель, выводящий на таинственные основания психики. Оттуда берут начало каналы связи человека со Вселенной-Энрофом. Они-

то и вывели мою личность за грань земного течения времени. Движения вокруг замедлились. Я легко мог накрыть ладонью летящую хитрым зигзагом сине-зелёную стрекозу. Да, я превратился в джинна-властителя секунд, способного изменить ход событий.

Информация, схваченная зрением Илоны, поступила в мой мозг и усвоилась мгновенно. Её летящие вниз глаза заметили скрытый зеркалом воды камень. Траектория падения целила прямо в центр куска гранитной скалы. Думаю, откололся он недавно и потому не зарегистрировался безупречной службой охраны жизни.

Беззвучный крик Илоны подстегнул отшлифованный механизм реакций. Нет, не зря о космолётчиках бродит по свету множество поражающих обывательское воображение рассказов. Точка опоры, направление и сила стартового броска определились без участия сознания, без перебора вариантов. Догнав в ускоренном падении Илону, я резко толкнул её обеими ступнями в левое бедро. Через пару секунд по времени Илоны и через долгую минуту по моим внутренним часам мы одновременно вошли в воду по обе стороны рокового камня.

Эмоциональный всплеск и разовый выброс энергии отняли много сил. Перед глазами поплыли цветные круги, дыхание прервалось, сердце застучало там-тамом. Спасительная истома пришла от голоса Илоны. Я не заметил, как над нами завис спасательный вертолёт, посверкивая синими маяч-

ками на красном брюхе. Оттуда пришёл вопрос, Илона что-то ответила и успокаивающе помахала рукой. Не понимая слов, я смотрел ей в лицо. Надо же – никаких следов испуга!

Горячее шоколадное плечо коснулось моей груди. И я в рубке снова, так же живо, ощутил обжигающее тепло. Лицо Илоны, в сверкающих капельках, улыбается напротив.

– ...Ты меня спас, да? – после выдоха прошептала она с ударением на «Да»; получился сразу и вопрос, и утверждение, – Но как это у тебя получилось?

В глазах светит любопытство, но не детски прозрачное, а как бы занавешенное знанием ответа, пониманием ситуации.

И только теперь, в рубке «Ареты», я понял: не я её, нет! Она меня тогда спасла. Ведь прыгни я первым, на «Арете» был бы другой капитан. Но как она смогла? И ведь ни разу не проговорилась...

Я жадно смотрю на экран.

Мы сидим на нашем камне, полускрытые зеленоватым упругим зеркалом моря, рассматривая преломлённые отражения ног и колеблющиеся лица. Зеркало моря дышит легко и спокойно.

Почему я молчу? Ведь она ждёт от меня слов. И говорит не потому, что желает, но потому что я молчу.

Слушаю снова. Меня двое слушают. О чём я думал внутри экрана, не помню. В рубке, рядом с затихшим Путевым

Шаром, пытаюсь разобраться в значении её слов, будто в них кроется разгадка всей моей судьбы. Нашей с ней судьбы.

– ...Знаешь, я решила! Я ведь здесь часто ныряю. Как это глупо – разбиться о камень, случайно упавший в воду. Знаешь, когда-нибудь я тебя тоже спасу. Так и знай!

Из недостижимого той Илоной будущего я это знаю. Для того она и решила поступить в Космоколледж. В отличие от меня, зачарованного звёздной романтикой, она знала зачем. Илона умела добиваться своего и всегда выполняла обещания. А элитарное население заколдованной «Ареты» этим похвастаться не может.

Вакуум, вакуум... Кто играет моей памятью? А если ему захочется показать будущее? И что ему мои желания и мечты? Кому сейчас служит биомозг «Ареты» вместе с Шаром и Перископом?

Видения закончились. Я резко поднялся из кресла, но кровь после долгого сидения не прилила к голове. Или я уже фантом? Приблизившись к Путевому Шару, ударил кулаком в мерцающую пустоту. Рука прошла без помех, но из квазизвёздной глубины выскочил пузырь, похожий на мыльный, с нарисованным на нём детским личиком.

– Я – бозон Хиггса! – негромко и печально заявил он, – Будем знакомы. Я – тот самый, без кого ничего не бывает. А ты – из моей свиты. Элемент моего поля. Без поля мне трудновато. Ты понимаешь меня? Ну скажи, что понима-

ешь...

Личико сморщилось в страдании.

– Понимаю, понимаю, – успокоил я его, – Нельзя тебе без поля. Как королю без свиты.

– Вот так правильно, – бозон повеселел, – Я прихожу, когда есть к кому... Тебя здесь пятеро. Пожелайте все пятеро! И тогда я – король. Тогда – не обессудьте.

– Не обессудим, – заверил я бозона.

А в себе покрыл его: «Научный реликт, твою... Лет уж сто тебя никто не вспоминал за ненадобностью. Явился, твою...»

Бозон Хиггса пропал, и больше ничего не желало происходить. Мир мой заполнила Пустота.

Не за что уцепиться ни взглядом, ни мыслью.

Да, вот, из истории. В историю, как известно, можно войти. А можно и попасть. Попробую войти.

Русичи дворцы князей именовали чертогами. Зачем такой мрачный корень обозначению жилья? Чёрт... Копыта, рога, кажется... Видимо – или невидимо? – они, рогатые, селились поближе к князьям.

«Чёрт чертил черты чертогов...» А эта фраза откуда? Зеркало... Черта между мирами... Из того же корня.

Исторические феакийцы много знали о невидимых сосе-

дах. Сибрус любил иногда побаловаться отрывком из «Одиссеи». Только одним, а знал всю поэму. Как там?

Кормщик не правит в морях кораблём
Феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших
судах не имеем;
Сами они понимают своих
корабельщиков мысли;
Сами находят они и жилища людей и
поля их
Тучнообильные; быстро они все моря
обтекают,
Мглой и туманом одетые; нет никогда
им боязни
Вред на волнах претерпеть или от
бури в пучине погибнуть.

Такой вот загадочнейший отрывок. Любит старик феакийцев с их мыслеуправляемыми кораблями. «Арета» – чем не феакийская шхуна?! В плане, в чертеже мало отлична. И чертоги ведь по чертежам возводили. На «Арете» тоже – ни рулей, ни ветрил. И без мыслей также никуда.

С детства в меня вталкивали азбучную строку: мир сотворён, шаги свои сверяй... Но в каждом Цехе – свой творец. И не один. А хозяев, управляющих природой и людьми – совсем бесчисленное количество. Это что, коллективное хозяйство с децентрализованным демократизмом? С кем све-

рять шаги, никак не понять. А кто командует в вакууме? Кто здесь чертит черты разделительные?

И я со всхлипом обиженного подростка спросил вездесущую Пустоту:

– Не хочу я до смерти носиться по твоим негреческим волнам! И не доживём мы здесь до смерти, раньше пропадём!

Вездесущая сердобольно вызвала Сибруса из Шара. Но какого-то не такого, малоземного. Непохожий на себя Сибрус уверенно выдал строки из Упанишад:

*В состоянии сна, идя вверх и вниз,
Бог творит... многочисленные образы,
Словно веселясь с женщинами, смеясь,
Словно даже видя страшные зрелища.
Люди видят место его развлечения,
Его самого не видит никто.*

Вот и стихотворная полоса вошла в жизнь. На Земле было не до того. К Сибрусовскому возрасту, может, и созрел бы. Но я понимаю, к чему меня склоняют. К тому Зеркалу – туда вьётся моя тропиночка. Искажённый Сибрус подсказывает: ходите вы, ребята, вслепую, а истина – рядом. Игра неверных отражений – вот ваше представление о мире.

«Свет мой, зеркальце, скажи...» Смеётся надо мной неизвестное зеркальце. Где ты, та грань-черта, та волшебная неуловимая линия, отделяющая творимое от творящего? И разве разделение – не условие взаимопроникновения?

Не условие единства мира?

Но сколько уж раз казалось: вот, ухватился за грань-черту, а она растворяется тут же, пропадает во мраках неведения. Ни словом, ни разумом не проникнуть за порог... Да и один ли он, тот порожек?

Почему я это вспомнил? Еврей Филон раньше многих проповедовал, что до Адама-праотца существовал некий прачеловек. Никто его не видел, и именовали по-разному. Пуруша, Гайомарт... Бестелесный, безразмерный, но человекоподобный...

Не он ли играет со мной, прикрываясь лицом Сибруса и пользуясь ненужным экраном Перископа? Если так, пора из тихой депрессии впадать в панику и страх.

– Неужели Сибрус нас подставил? – по-детски спрашиваю Пустоту, – Ведь он убедил меня, что этим путём можно проникнуть в любой уголок Вселенной! Он что, не прав?

– Прав-неправ... Сильно упрощаешь, капитан. На подводной лодке люди пересекают все океаны, и не то что суши, моря не видят. А другие наблюдают все красоты мира, оставаясь дома. Дело выбора...

Это уже диалог! Да здравствует Пустота! Предложения начали поступать! Есть смотровая площадка, осталось место на ней занять. Всё только начинается, всё впереди...

Зачем мне какие-то внеземные цивилизации, когда есть контакт с разумом внекосмическим?! Неужели поиск вне-

земных цивилизаций – всего лишь камуфляж? Скажем, для Цеха Джеда? Я не считаю себя преданным какой-либо цеховой гильдии, ни цветочной, ни пирамидальной. Не легла душа... Диалог с Пустотой действует подобно крепкому вину. И хорошо! Под градусом праздник – что пожелаешь, то и получишь. Подарков тут есть.

– Будь осмотрительней, капитан, – строго предупредил Сибрус из Шара, – У нас так: не успеешь подумать о чём-то, а оно тут как тут. Зачем тебе в рубке, к примеру, колдун из Вавилона? Что посеешь – то пожнёшь.

– Незачем колдун, – легко согласился я, – Понимаем о пси-факторе. Но без подарков тоска бесцветная. И мозги включаются-выключаются как-то анархически. Когда не надо – работают, когда надо – увы! Никак не подстраховаться.

Сибрус задумался, складочки на лбу изобразил. Есть отчего – опасное дежурство получается. Зря Агуару отпустил. Отоспится команда, а на шхуне бесы хозяйничают. Пора мысли попридержать, а то прыгают, как черти по чертогам.

Верно предупредил предтеча Адама! Образ только мелькнул, а уже писк за спиной.

О, Великая Пустота!

Поворачиваюсь с превеликой осторожностью, напрасной и излишней. На ранее пустой крышке сундучка с медаптечкой внутри красуется миниатюрная копия «Ареты». Игрушка, но какая тонкая работа! Так шхуна выглядела на Земле.

Если смотреть издали.

Да, воспроизведено в абсолютной точности. Снасти, мачты... Палубные доски... Капитанская рубка... Паруса... А вот паруса! Наполнены ветром, трепещут, словно шхуна мчится по земному морю! Прислушиваюсь. Так и есть. скрип, скрежет, плеск... Звуки, сопровождающие парусный корабль на ходу. Обязанные сопровождать...

Хорош подарок. Очень хорош. Но дело не только в копии шхуны. На палубе, в самых живописных позах, разместились пятеро обезьянок. Разодетые, непохожие друг на друга – экипаж мини-«Ареты».

Восхитительно! Мини-экипаж, живой и бодрствующий. И в управлении корабликом не участвует.

Я стою и люблюсь ими до момента, в который понимаю: обезьянки-то не просты! Они тоже копии. Искажённые, изменённые копии реального экипажа реальной «Ареты». Наши отражения в комикс-зеркале!

Пришлось сосредоточиться.

Наименее цивилизный вид у обезьянки с хвостиком и рожами вместо ушей, с устрашающей мимикой. Вся чёрная, из одежды: два кусочка ткани, прикрывающие срамные места. И смотрит на меня злобно. Ей бы рома под приличным градусом – и повеселеет. И будет в точности ранний римский Пан. Вот и первая кличка: Пан. Думаю, в самую цель. Отображение штурмана Агуара-Тунпы. Цех Гора будет недоволен столь яркой карикатурой на своего представителя.

Вот и отражение Кертиса: серенький, скромненький, забился в уголок на корме, вертит в ручонках блестящий шарик. Весь ушёл в любимое занятие. Шёрстка на головке белая, и я его называл «Седой». Четверо из пяти оказались мужского пола.

Копия Андрия – «Казачок», кто же ещё! – имеет усы, лысину с оселедцем, отличается гибкостью гимнаста. Сидит на рее, изредка поглядывая на меня. Без особого интереса. Больше привлекает Казачка обезьянка, изящно полужащая у входа в рубку с палубы. Без сомнения, дама. Костюмчик на ней почти прозрачен, на ушках серьги, в носу колечко. Имя? Что проще, конечно, Джина.

Свою копию рассматриваю дольше. Белые брюки, рубашка... Уши, глаза – они сразу привлекают интерес. Но как он спокоен! Никакой мимики, отрешённое созерцание обстановки в рубке реальной «Ареты». Поколебавшись, присваиваю имя: «Белый Йог».

Через часок земного времени я пресытился обследованием подарка. Стало совсем весело, впервые с момента старта. Маленький зоопарк предложен не для развлечения. Это живое зеркало, отражающее, копирующее, действующее. Только ли внешне?

Мелькнула мысль: изучая обезьянок, мы будем познавать себя. До поры, пока проникнем в собственную суть. И тогда, вероятно, что-то и произойдёт. Может быть...

Я уже не хочу говорить с Пустотой. Там не предтеча Адама, не Пуруша. Подарочек не дедовский и не отцовский, слишком мудрёный. Подозреваю, не обошлось без моих личных представлений о спутниках в плавании. Несомненно, моё подсознание постоянно занято экипажем. Непрерывное кружение непроявленных мыслей...

Да, свежерожденная мысль – потенциальный энергетический заряд. Каждый человек пронизан и окутан их тесно сплетённым облаком. Он излучает их, принимает, связывает-развязывает. И тут не нужны слова, способные лишь ограничить смысл. Почему мы, в таком случае, не понимаем друг друга?

Эмоции? Да, чувства препятствуют объединению. И по этой непрозаической причине «Арета» блуждает как будто не по нашей воле. Возможно, требуется предельное спокойствие. Но оно невозможно, пока не выплеснется наружу то, что кипит в каждом.

Наши внутренние картины реальности не совпадают. Ни по глубине, ни по охвату, ни по чистоте. Вот оно, главное – по чистоте. Зеркала наших разумов затуманены, запятнаны, загрязнены. У каждого – по-своему.

Так же различны наши мыслепрограммы. Мы нацелены на разные точки будущего, на разные проекты его достижения. Нам недостаточно одной «Ареты», их требуется пять штук!

Наши тела изменились. Мы внутри иной физики. Тут ца-

рят неизвестные законы и постулаты. Возможно, постулатов-аксиом и вовсе здесь нет. А система мышления – прежняя. Вот где парадокс.

Одному с этим не справиться. Надо идти к Агуаре. Он наиболее раскрепощён из всех, менее земной, чем другие трое.

Я присел перед обезьянками, послушал шум морского ветра, пронизывающего мини-«Арету». Пора. Дежурство – дань прошлому, вещь архаичная и бессмысленная.

Люк открылся легко, будто его только что смазали. Трап проскрипел старым деревом; освещение коридора, разделяющего каюты и рабочие отсеки, струится не от фонарей, а отовсюду извне.

Убежище Агуары. Дверь у него особая, склеена из кусочков самых разных деревьев. Не помню, такая она изначально, или стала... Я по-земному постучал. Легонько, пальцами о дерево. Он, как и все остальные, должен спать. Сон принудительный, под гипноизлучателем. Без такого расслабления нельзя, можно с ума сойти.

Ответа нет, и я нажал рукой на деревянную мозаику.

В каюте царит яркий жёлтый свет. Тоже извне. Агуара сидит на смятой постели и смотрит пустым мутным взглядом. Я видел такие лица. Штурман пьян как сапожник князя из чертога. Алкоголя на «Арете» не водится, не загрузили. И какой в вакууме алкоголь?! Откуда здесь взяться бензоль-

ным кольцам?

За спиной Агуары, на белой стене, выцарапаны знаки, закрашенные чем-то бурым. Я всмотрелся. Надпись гласит: «Тот, кто умирает до того, как умрёт, не умрёт, умирая». Над неровными буквами чёткий рисунок – кружок и вписанная в него звёздочка. Какая мудрая и актуальная формулировка. Хорошо успокаивает. Если для Агуары уже нет смерти, и он это знает, то для него нет и жизни. Потому и пьян до отключки.

Пьяный и трезвый, мы заряжены противоположно. Что, собственно, и требуется.

Агуара-Тунпа презрел индивидуальность, отождествил её с внешним миром. Я же, наоборот, отказался от растворения в Пустоте. Столкновение противоположностей обещает плодотворность. Я обежал взглядом интерьер каюты. Кроме жизнеопределяющей надписи, всё стандартно. Полочки, шкафчики, столик, стульчики, фальш-иллюминаторы. Ничего личного, и фотографий из прошлого нет.

Нас учили. Помассировал ему несколько точек на голове, шее – и штурман почти трезв. Увидел меня, нерадостно улыбнулся.

– Капитан... Знаменитый капитан Алекс... Как мне было хорошо. Я почти добрался до цели. Ты поторопился, капитан. Я не успел... Меня ждал ответ. Ответ!

Знаменитый Алекс? Где, интересно, я знаменит? В Зазеркалье разве. И какая у него цель, какие вопросы он там по-

ставил?

Мы – экипаж шхуны, но не моряки. Униформы у нас нет. Каждый наряжается в то, что взял с собой. У меня вот в запасе белый костюмчик. Как на Белом Йоге. Определённо, не понадобится. Зачем я его взял? Для представительства перед внеземной цивилизацией? Агуара сидит в трусиках. Коричневокожий, весь покрытый коротким чёрным волосом, очень похож на Пана. И тот же тёмный огонь в глазах. Он поймал мой взгляд, направленный на стену за его спиной, на формулу бытия.

– Не торопись, капитан. Твоё от тебя не уйдёт. Капля принадлежит океану. Не наоборот. Но океан служит капле, когда той требуется.

Моё недолгое спокойствие рассеялось под вихрем мыслей. Эти слова... Приблизительно так рассуждает сейчас мозг «Ареты», распределённый между Шаром и Перископом. Со мной говорит не совсем Агуара. Не только он. Агуара обезличен, он не совсем человек. И в таком состоянии он страшен, ибо способен сотворить-материализовать любой образ из своего богатейшего внутреннего арсенала. Каплей какого океана он стал? Вакуум неоднороден, в нём свои плюсы-минусы.

Так и есть! На пустой полочке слева возникла модель лодки, двухместной и двухвесельной. И серая тень между вёслами.

Я вспомнил.

Лодка Агуара-Тунпы – средство транспортировки души в иной мир. Средство перехода через грань-черту, через Стикс, Лету... Перевозчик, по имени Харон, наготове. Нет ли на «Арете» своего Харона?

Вода забвения переполняет каюту штурмана. Стоит мне присоединиться к нему – волны захлестнут все помещения «Ареты». И шхуна всплывёт. Где? Знаю где: там, где хранятся ответы на тайные вопросы Агуары.

Нет уж, знаменитый капитан Алекс действительно не торопится. Капитан Алекс не любит ходить чужими путями. А штурман Агуара пока нужен капитану Алексу.

– Поднимайся, штурман! На шхуне чудеса творятся, а ты в волнах нирваны тонешь. Пойдём, поможешь мне разобраться...

Пан будет рад встрече с Агуарой?
А сам Агуара?

Пан обрадовался.

Агуара развеселился.

Они понравились друг другу.

– Истина так многолика, – Агуара говорит мне и улыбается Пану, – Этот зверёныш – моё отражение. Одна из моих граней. Красивая грань, не правда ли?

Я не стал спорить. Оживший Агуара разговорился. Мне требуется определить, кто в нём сидит и к каким действиям

ГОТОВИТСЯ.

– Истина превыше правды и лжи. Правда, ложь... Земляне отождествляют их с добром и злом. Подход неверен! Они неразделимы. Как ты его назвал, капитан Алекс?

Я ответил.

– Пан! Замечательное имя.

Агуара никогда меня так официально не называл. Всегда – Алекс.

– Капитан! Я ничего не ел и не пил с начала экспедиции. Другие тоже?

Я удивился: сам не обратил на это внимания.

– В холодильниках всё свежее... Кухня простаивает. Но так даже лучше. Не загрязняем окружающее пространство. Экологически чистое плавание.

Он рассмеялся. Я растерянно спросил:

– Разве оно есть, окружающее пространство?

Агуара мою реплику-вопрос не заметил.

– Удивлён! Почему Роза Мира не обладает высшей властью? Ведь все условия для того! Заверяю: Цех Гора не против подобного шага. Баланс сил? Ну его... Тебе ведь известно: Джед, предтеча Гора-Тота, воплощение Осириса, внушает: наша цель вне земного бытия. Мы на Земле гости, прохожие. И будем уважать любого хозяина. Ты согласен, капитан? Почему ты молчишь?

Он приблизил указательный палец к Пану, тот ухватился за него и впился зубами. Агуара отдёргнул руку, слизал

с пальца каплю крови. Пан сделал виноватую физиономию. Надо что-то отвечать, и я решил держаться подальше от глубинного смысла диалога. Неясно, как к нему подступиться.

– Ты спрашиваешь по-старому, Агуара. По-земному. Роза Мира или Цех Гора – и мне всё равно. Мы болтаемся в верхнем, пенном слое вакуума. Слова неточны, но других нет. За одно мгновение можно перенестись к границам Энрофа, даже проскользнуть в иную Вселенную. Но можно и вечно торчать в одной точке. Ничего не просчитать, не предугадать. Тут нет Евклида, нет Лоренца, нет Эйнштейна. Ко мне приходил бозон Хиггса, но и его тут нет. Зато есть живой разум! Я вижу тебя, Агуара. Ты поймал контакт. Не исключено, ты заключил договор...

Я говорил и пытался зацепить мыслеоболочку Агуары. Вокруг неё противодействующий хаотический шум. Агуару прикрыли защитной сферой. Но не универсальной. Меня кое-чему учили. В рубке тишина, Пустота безмолвствует и бездействует. Нанощупом я проник в область его сердца и попал куда-то. Оказывается, у Агуары в подсознании имеется специфический древнекитайский пласт. Сюрприз! Сплетённые воедино знания и размышления.

«Великая Пустота... Высшая реальность... Физический Вакуум – ближний к нам слой. Всего лишь проявление... Иллюзия и действительность – нет разницы. Великий Предел, Великая Гармония...»

Глубже!

Наноигла тормозится.

Тугая смесь, с трудом ловлю вязкие образы. Что-то о мутных зеркалах и средствах их очистки... Лестница, ведущая вверх...

Но низа-то нет. А низ – самое важное...

Тут меня ударило в спину, пси-игла исчезла, срезанная на границе биополя Агуары. Я оглянулся. Никого. Но связь с Агуарой не восстановить. Сам он стоит и молча смотрит сквозь мерцающие огоньки Путьевого Шара. Я сокрушённо вздохнул. И – о чудо! – уловил мыслепоток, исходящий от Пана.

«Вселенная – наше сердце, наше сердце – Вселенная. Пусть миллион веков тому назад появились мудрецы – в этом сердце они были одинаковы, в этом „Ли“ они были одинаковы, пусть через миллион веков появятся мудрецы – в этом сердце они будут одинаковы, в этом „Ли“ они будут одинаковы. Пусть в восточном, южном, западном, северном морях появятся мудрецы, и в этом сердце они будут одинаковы, и в этом „Ли“ они будут одинаковы».

Молодец, Пан. Ты и Агуара тоже одинаковы. Вот как продолжилась выщарапанная формула жизни Агуары. Формула смерти Агуары. Я знаю, откуда это. Китайский двенадцатый век. Мудрец Лу Сян Шань. «Ли» у него – что-то вроде вечного света. Я бы назвал это Брахманом. Но я – не одинаковый, куда мне. Маленький Пан не беднее большого Агуары. Нет, он не просто красивая грань.

«...единое великое живое вещество... Когда в нём движение, то нет покоя, когда есть доброе, нет злого, а покой – прекращение движения, злое – прекращение доброго... И то и другое соотносится друг с другом и не возникает одно подле другого, в своём рождении всё едино...»

Источник мне незнаком. Через земное предлагают войти в понимание иного мира? Но некогда анализировать.

«Желание – не внешнее, но внутреннее, исторгнутое сердцем. Чистота сердца – чистота и точность исполнения... Молись в чистоте – будет результат. Закон устроен не человеком. Путь один – самоочищение. Будь взрослым ребёнком, но не дряхлым юнцом...»

Определённо, слой никак не агуаровский! Он мог бы принадлежать мне. Но – не мои знания.

Так мы поговорили. Без драки, по-доброму. Обезьянки нейтральны? Не зло и не добро? По-прежнему ощущаю чью-то тень...

«...у зеркала нет ни своего цвета, ни своей формы, и потому оно отражает любую фигуру, что появляется перед ним. Если б зеркало имело цвет и форму, оно, вероятно, ничего не отражало бы. Пустота свободно вмещает разные предметы. И когда к нам в душу произвольно одна за другой наплывают разные думы, что, может быть, случается оттого, что самой души-то в нас и нет. Когда бы в душе у нас был свой хозяин, то не теснилась бы, наверное, грудь,

от бесконечных забот».

Хэнко-Хоси. Записки от скуки.

Замечательно сказано. Дао Пустоты...

В какое зеркало ушла китаянка Хэнко-Хоси?

2. Дуат Антареса

Экран Перископа, как и Шар, не способен к отражению. Он – не зеркало, не гладкая поверхность. Это известно всем, имеющим малейшее отношение к «Арете».

Капитан Сибирцев увидел отражение. Нечёткое, чуть колеблющееся, но распознаваемое. Люк, ведущий на нижнюю палубу, медленно исчезал. Затягивался, как живая мембрана. Началась трансформация.

Тотчас по рубке разнёсся крик Джино:

– Моя каюта рассечена! Холодильник с едой! Его нет!

Ему ответил голос Агуары:

– Что ты орёшь, как девка в первую брачную? Зачем тебе еда? Если чего не видишь, это не значит, что этого нет.

Люк вернулся. Но уже в другом месте, на метр в стороне. Капитан сделал к нему шаг, но остановил голосок Белого Йога:

– Ты куда, капитан?

Алекс сбавил темп, осторожно дотронулся рукой до ручки блокировки люка. Так и есть, дверь ложная. Но ни рядом, ни где ещё не удалось нащупать истинного выхода.

Это – хаос. В хаос чёрный
Нас влечёт, как в срыв, стезя
Спорим мы иль мы покорны,

Нам сойти с пути нельзя!

В. Брюсов. Лик медузы

Встреча с Агуарой принесла скорые плоды.

Деформация пришла и ушла, напугав лишь Джино.

А Перископ заработал как никогда. Тем не менее, кроме как у Агуары, радости это не вызвало. Интересно: Пан повёл себя надменно, строит издевательские мины, задирает спутников, пару раз ущипнул за мягкие места Джину.

Шхуну выбросило в четырёхмерность. Да так, что заскрежетали все переборки, заскрипели палубные снасти. Мозг «Ареты» занялся вычислением координат места всплытия.

Экипаж собрался в рубке. Стало тесно и душно. Не обрадовало и сообщение Путевого Шара:

– Друзья мои! Не исключено, что мы дома. Почти. Отдыхайте, развлекайтесь. Всё равно вы бесполезны.

Родная Галактика выглядит неузнаваемо. Ракурс непривычный. Надо научиться делать мысленную объёмную модель Млечного Пути. Неуважение Шара настораживает. Неплохо бы иметь хоть видимость управления.

Похмельный Агуара понёс околесицу. Радость пытается скрыть, что ли?

– По какой причине поблекли, странники? Не верите в спасение? В совместимость с собой иных миров разочаро-

вались?

Полупьяные глаза сверкают близостью торжества.

Неужели его так скрутила длань Пустоты?

Между тем Путевой Шар справился с арифметикой, и Перископ представил увеличенный кусочек галактического объёма. С Земли мы проецировались на созвездие Скорпиона; указатель целился в центр Галактики. Я начал догадываться. И пока не наступила ясность, решил «допросить» Агуару.

– Штурман!

– Я, капитан! – он отозвался бодро и весело.

– Ты как думаешь, мы расстались с Пустотой?

– Как можно расстаться с самим собой, капитан Алекс!

Ах ты, Пан большой, Пан хитроумный! Я перевёл взгляд на копию «Ареты». Подарок из Пустоты вынырнул вместе с нами, обезьянки чувствуют себя вполне комфортно.

– Но мы в своей Галактике, – успокоил Агуара и присоединился к остальным, прикипевшим к экрану.

Догадка моя перерастала в уверенность. Что и прочитал каким-то образом на моём лице Агуара. И жёстким тоном сказал:

– Китайскому художнику полагалось рисовать так, чтобы «на пространстве размером с палец за далью открывалась новая даль». Ты способен так рисовать, капитан?

Пылающий взгляд нацелился мне в переносицу. В носу засвербело, потянуло к чиханию. Белый Йог приблизился

к Пану и принял боевую стойку. Умница, да враг не там... Что и подтвердил тот, кто поселился в Агуара-Тунпе:

– Реальность – тень Пустоты. Но человек способен подняться не выше теней реальности. Чтобы иметь уверенность, путешествуй в одиночку, капитан... Возможно, не заблудишься.

Кертис воззрился на Агуару, как на объект кровной мести. Но того это нимало не смутило.

– И не думай! Ты безвозвратно стар, обученный грек. Или хочешь расстаться с Цехом Гора?

Я отошёл и упал в кресло. Разговор ушёл от намеченной линии. Во мне утвердился аксиома: сознание в Пустоте – действующий фактор. В нашем случае сработала интегральная составляющая, Агуара сам по себе ничего не определяет. Скорее всего, изначальные способности остались в нас, подкреплённые вакуумом. И Агуара на Земле способен стать подобным обозлённому божеству Олимпа. Земля не сможет контролировать нашу творческую энергию. За далью даль... Что откроется-то?

И зверюшки засуетились. Не к добру. Эх, пару-тройку лет назад бы отмотать. И выйти с Илоной на бесплатную пенсию, устроиться в таёжном уголке, да спокойными вечерами разглядывать эту хитрую зеркальную игрушку. Да не выйдет, игрушка насмерть привязана к «Арете» и экипажу. Почему-то я пытаюсь найти в модели шхуны кого-то, шестого.

Шестую обезьянку? Или не обезьянку?

Ого! Седой крепко ухватил серенькой ручкой копию огнетушителя и хватил им по эксклюзивным рожкам Пана. Хвостик Пана судорожно дёрнулся, из носа брызнули капельки крови. И кровь у них есть!

Я резко обернулся. Губы и подбородок Агуары залила алая струйка. Кертиса держит за руки Андрей. Я сделал шаг поближе: нет, хвостика у Агуары нет. Как и рожек. Мне что, жаль их отсутствия?

– Образ всех образов, присутствие недостижимости!

Это принял эстафету от раненого штурмана Путевой Шар. Сказал так, словно гостя представил. Думаю, просто решил насолить своему опекуну, Кертису. В цветной трёхмерности выделились две точки. Зелёная – Солнце, голубая – «Арета». Межзвёздную пыль и тёмную материю Шар не демонстрирует. Рядом с голубой точкой мерцает яркая красная звёздочка.

Всё дело в этой звёздочке. Случайно рядом с красным гигантом из небытия не всплывают. Я кое-что имею по теме Красной звезды. И это кое-что требует скорейшего переосмысления.

В глубине сердца убеждён: идеология воспитавшего меня Цеха – сочинение досужего предка. Но вот, смотрю на пульсирующую красную точку и начинаю думать, что хитро завёрнутая и перевязанная завлекающими бантиками религия Розы Мира обретает объективность.

Антикосмос! Мои учителя утверждают: центр антимира нашей Вселенной-Энрофа находится у альфы Скорпиона, красного супергиганта Антареса. Двойная звезда с набором планет, движущихся по сложнейшим орбитам – цитадель галактического зла?

Перископ изменил фокус: оба глаза Антареса удерживают внимание цепко, по-звериному. Планет пока не видно, и – мне они не нужны! Но кто на этом корабле спрашивает мнение капитана!? Путевой Шар доложил: «Арету» притягивает к гравитационному центру системы.

Итак, нас задержали и принудительно зовут в гости. Агуара радостно похихикивает. Впрочем, мы все сейчас достаточно ненормальны. Оснований для сохранения душевного равновесия маловато. «Арету» манит, тянет, притягивает, затаскивает... Невесомая деревянная скорлупка шхуны – капкан для пятерых. Антикосмос, в смысле – антирай. Разливанных рек с чистым вином там гостям не предлагают.

Агуара-Тунпа! В недрах Цеха Гора-Сфинкса имеется заговор!? И Агуара – его острие. Как красиво они обвели всех! Видимо, в цеховых верхах люди не от сего мира. Точнее, не от мира земного. А от того, что приближается – может быть.

Принцип Лагранжа распространим и на социально организованную материю. Устойчивое равновесие характеризуется наименьшей величиной потенциальной энергии. Я покинул спокойную планету? Разве можно так обмануться?

Мы, пятеро, представляем основные действующие силы земного бытия. Как известные, так и закамуфлированные. О своих спутниках почти ничего не знаю. Но знакомиться поздно.

Путевой Шар выдвинул абсурдную идею. По его мнению, шхуну втягивает некая математическая ловушка, соответствующая по свойствам некоторым областям вакуума. Идею свою Шар окрестил «пределным циклом».

Некоторые аксиомы продолжают действовать. Я ухватился за одну из них: Сибрус умнее Шара. Разумнее даже. Его мнение: математика в подобных условиях ненормальная степень абстракции, совершенно несовместимая с основами биологии. Короче: если нас кто-то посредством чего-то куда-то тянет, надо сначала выяснить, каким способом он это делает.

– Сделай себе лицо! – приказал я Шару.

Тот приступил к перебору вариантов, показывая каждый. Откуда в нём столь обширная бандитско-мордая коллекция? Взломал базу данных древнего острога? Наконец установилась физиономия, сочетающая черты Джино и Андрия. Какая-то девочка с усами. Но ближе к норме. Есть с кем поговорить.

– Пределный цикл.., – начал я формулировать проблему.

– Капитан! Ну зачем нам с вами колючая проза! Ведь есть и другие циклы. Дамские в том числе, – голос у физиономии

женственный, нежно зовущий.

Дамские, не дамские... Возражать? Чуть подождав, комби-лицо сморщилось, запорожские усы принялись стегать по румяным девичьим щёчкам. Голос переключил регистр:

– Ты шо, собрат? Или я не в курсе сам, как сказать мяу?

Кто-то за спиной хмыкнул. И я очень возмутился:

– Шар, ты становишься бесполезным. Я могу обойтись одним Перископом.

Угроза подействовала. Мужская и женская составляющие пришли в равновесие. Лицо стало серьёзным и основательным.

– Нас притягивает странный мир. Мир чистой математики, который в принципе невозможен. Мир небытия – пока самое точное определение. Теперь к деталям. Двойная переменная Антарес – объект Цеха Гора-Сфинкса. Все данные в его хранилищах. Сведения о Красной звезде за последние десять лет мне не представлены. Имеющаяся информация полна противоречий и взаимоисключений. Комплексно объект не анализировался. Перечисляю наиболее ясные моменты. Первый: Антарес существует вне известных на Земле физических законов. Второй: математическое описание системы сводится к геометрии исключений и неоднородностей. Вывод: рядом с нами – особая точка в пространстве-времени. Замыкающие её кривые ведут себя необычно.

Хмыканье позади прекратилось, я кожей ощутил, как напрягся Агуара-Тунпа. Шар выдавал то, что необходимо

и ему.

– Капитан Алекс, вам известны особые виды точек? Их четыре: седло, фокус, центр, узел. Наша судьба зависит от того, с каким видом мы встретились. Возможно, «Арету» завертит вокруг обеих звёзд. Понесёт либо по кругу, либо по спирали. Форму спирали не предугадать. Третий вариант – нас поглотит воронка чёрной дыры. Она в центре масс двойной звезды. Четвёртый вариант – нас выбросит через «кротовую нору», связанную с Антаресом, в неизвестную область Галактики. Выбор варианта от вас не зависит. Дело в кривых, капитан. Мой шеф Кертис знает побольше. Шарль Эрмит называл такие кривые «патологическими» и ненавидел за то, что ни к одной точке их нельзя провести касательную. Такие миры он определил как «болото функций без производных». Подробности у Кертиса.

– Так... Подробностей не надо, – сказал я, – Главное понятно: область пространства, неспособная к рождению чего бы то ни было жизнеспособного. Анализ четырёх видов точек добавит ясности?

– Не исключено. Может быть, – согласился Шар.

Обезьянки заверещали. С одобрением, показалось мне. Шар подробно рассказал об особенностях седла, узла, фокуса, центра и предельного цикла. Я быстренько понял, что из них если и есть выход, то в бесконечное никуда. В общем, безысходная математика. Стало совсем хорошо. Захотелось по-обезьяньи заверещать и немного попрыгать вокруг Пу-

тевого Шара. Лучше – с барабаном. Сибрус – он что, знал, куда мы вляпаемся? «Предельный цикл» – замкнутая кривая... Недостижимая ни изнутри, ни снаружи. Ещё чуть-чуть, и весь наш мир сожмётся в мешок вокруг Антареса, и мы потеряемся во времени. К тому же может оказаться, что время тут – вовсе и не время в нашем понимании. На небе останутся лишь два глаза Антареса, под ногами, если будет позволено – чужая почва дикой планеты. Капкан, сплетённый у Красной звезды вездесущим вакуумом... Какая завидная участь.

Кем же населён замкнутый мир? Если нас зацепили, то они способны проникать в галактическую многомерность.

По рубке гуляет прохладный ветерок, играя палубным оснащением мини-«Ареты». В ушах позванивают мелкие колокольчики, звёзды Антареса растут, прочие потихоньку гаснут, затушёвываясь чёрно-бурым маркером.

Джино скис. Вот-вот запустится и забродит. Из последней лекции Шара он запомнил одну фразу и теперь тихонько повторяет, остановив взгляд на палубном выходе:

– Для полного решения задачи трёх тел надо взять восемнадцать первых интегралов...

Я понимаю Джино. Взять столько интегралов не по нашим зубам. Да и чистая это теория, двигателей у «Ареты» нет, вёсел тоже.

Дверь, ведущая на палубу, украсилась ярко-красной над-

писью: «Запасный выход». Смешно. Особенно если учесть, что кусок пола перед ней исчез совсем, открыв доступ в трюмный этаж. Меня беспокоит вопрос: почему не возвращается зелёная тень «Шестого»? Мысль о незримом «Шестом» оптимизма не прибавляет. Прямо хоть беги к рее и вешайся. Да яма перед выходом...

Кертис выглядит спокойнее других. И голос его звучит по-земному:

– Алекс, приходит время, и все теории делаются недостаточными, лишними, неистинными, вредными. Требуется маленький сдвиг. Твоё сознание – не мозги шхуны. Ты живой, ты сможешь...

– Живой? – спросил я, – В игре что-то иное, чем законы макрофизики или хромодинамики?

В диалог вмешивается Шар:

– Ну, вы уж... Скажем осторожнее: игра перешла за границы вакуума.

Я вздрогнул. Раздался хрип. Это Андрий. Остановив лицезрение панорамы мира Антареса, он выдавил из себя одно слово:

– Антикосмос...

Почему он так напуган? Ведь прошёл нужные ступени подготовки в Славянском Цехе. И я спросил:

– Чего ты боишься, инженер звёздного интеллекта? Анти, контр... И что? Мы ещё не там.

Он прокашлялся и прохрипел слова из библии Розы Ми-

ра, написанной патриархом то ли в камере, то ли в келье. Места творческие, что и говорить.

– «Антикосмос – условное обозначение для совокупности всех миров, создаваемых демоническими началами и предполагаемое замещение Божественному космосу. К антикосмосу нашей брамфатуры принадлежат слои: Шог, Дигм, Га-шшарва Суфэтх и Дно».

Я впервые подверг внутренней ревизии слова патриарха. «Создаваемых... Замещение...» Дурдом! Мир создаётся Одним и правит им Один. Два начала исключают порядок и саму жизнь. Эта библия просится в клозет. Я стал еретиком. Тут вернулся в себя Джино и вежливо попросил:

– О брамфатуре можно поподробнее?

Андрей перелистал в себе цитатник и сказал:

– «...почти каждое небесное тело обладает рядом разноматериальных слоёв, образующих взаимосвязанную и взаимообусловленную систему. Брамфатурами называют такие системы, объединённые общностью процессов в их слоях. В большинстве брамфатур Галактики основной процесс, объединяющий слои каждой из них, есть процесс борьбы провиденциальных и демонических сил. Имеются и такие, которые полностью подпали под демоническую власть, и которые полностью от неё освободились».

Я ударил себя кулаком в лоб. Да так, что экрана не стало видно. Как можно не сообразить раньше! Да ведь мы не со-

всем всплыли! Ямы под ногами и всё прочее... «Арета» работает через Перископ! Нам просто блокируют мозги! И есть возможность выбора, есть время для действия!

И Агуара-Тунпа это знает! Давно знает. Один знает! И он предвидел, в какой участок Галактики мы высунемся. Выглянем. На языке Цеха Гора этот участок зовётся коротким словом Дуат. Вот почему у него в каюте над формулой успеха красуется кружок со звездой внутри.

Эта эмблема – иероглиф Дуата, тёмной и мрачной преисподней, подвала миров. Хуже, чем погреб в чертоге. Кажется, в «Текстах пирамид» Дуат представлен мрачной дамой, прячущейся за зарёй заката. Илона рассказывала о папирусе, в котором детально описывается путь по подземной реке, ведущий к той самой даме, по-матерински принимающей в свои объятия души умерших.

Однако!

Однако, виртуальность пока – форма нашей жизни. Пока мы такие, нас не ухватить. Мы непрерывно появляемся-исчезаем, нас больше нет, чем есть. Мы для Антареса пока ничто. И никто. Они там могут держать связь с Агуарой, но ничего более. И связь эта тоже «нет-есть». И тоже больше нет, чем есть.

И то, что мы наблюдаем – мираж. Мир Антареса реален, объективен, он таков, каким нам представился. Но для нас его пока нет, он даже не тень. Зачем пугаться того, что от-

существует?

Вот если мыслепрограммы всего экипажа совпадут с Агуаровской, мираж станет явью.

Законы сохранения не предусматривают рождения человеческой личности из ничего. Но они же не запрещают квантового возрождения из Пустоты.

Я могу изменить мощность генератора пси-энергии. Просто, руками, Сибрус предусмотрел. И тогда шхуна с нами провалится глубже, в неизвестно какой слой. Но получится ли второе всплытие, вот в чём вопрос. Нет, надо собраться. Четверо против одного... Даже если трое против двух... Мы сможем переместить вектор всплытия.

Как бы то ни было, Вселенная едина и неделима, она единична по сути, как и её Творец, и чего мне страшиться? И все эти множественные миражи – они внутри неделимой единицы. Какой надо, такой и выберем. А Цех Гора пусть строит свою шхуну и гребёт к своему Антаресу самостоятельно.

Зелёная Тень Шестого проявилась в Путевом Шаре. Бестелесной рукой она чертит мировые линии нашего пути. Предполагаемые линии. Их множество, и я не в состоянии выделить какую-либо. Перископ переключился на показ созвездия Скорпиона. То есть на вид куска Космоса с Земли. Змееносец, Весы, Стрелец... Где-то тут направление на ядро Галактики.

Экипаж выглядит вполне адекватно, и я кратко объяснил своё понимание сути дела и расклад.

– Что ж, я согласен, – заключил Андрий. К нему вернулась обычная сосредоточенность.

Агуара-Тунпа заговорил почти кротко, не противопоставляя себя моему плану:

– Шумеры в сказках о Гильгамеше упоминали скорпиона по имени Гиртабилили. Он выглядел человеком, но имел ядовитый хвост, и охранял ворота Солнца. Гильгамешу, чтобы пройти через ворота, понадобилась вавилонская трава бессмертия.

– Сказки несуществующего Вавилона, – с иронией заметил Кертис.

Я снова отметил странность: служители одного Цеха не должны противоречить друг другу. Они – братья. Агуара не обратил внимания на реплику брата.

– Созвездие Скорпиона боялись и уважали. Всегда и везде. Оно насмерть напугало Фаетона, насылало на Египет вредных насекомых, погубило Ориона...

Кертис разорвал фразу:

– Но ведь ты сам рождён под знаком Скорпиона. Не страшно? Не тяготит ноша?

– Нормально! – спокойно отозвался Агуара, – Скорпион закаляет характер и волю. Как огонь железо. И мы привыкли наказывать обидчиков.

Ого! Агуару с Кертисом способен примирить разве что Джед. Если это не спектакль. Но есть надежда привлечь Кертиса на свою сторону и с дополнительной помощью Джино

создать нужный перевес. Андрий неясен. Агуара, несомненно, подкреплён мощью Антареса. Или Скорпиона. Созвездие действительно любопытное. По хроникам, в том направлении зарегистрировано три вспышки новых и сверхновых. За две с небольшим тысячи лет на небольшом участке – аномальная плотность.

Я попросил Шар дать характеристику альфе Скорпиона.

– Красный супергигант позднего спектрального класса M1, двойная переменная. Основная звезда больше Солнца в полтысячи раз. От Земли двести парсеков. Светимость превышает солнечную в пять тысяч раз. Антарес – Анти-Арес – Анти-Марс...

Вот как: антипод – или заместитель? – древнего бога войны. Два глаза Скорпиона... И здесь – вход в знаменитый Антикосмос?

Перископ показал: приближение к опасному входу приостановлено. В рубке тишина, и обезьянки молчат.

– Огненный мрак... И серой потягивает.

Это Андрий. Непонятно: то ли одобряет, то ли осуждает.

– Трубка мира раскуривается. У костра уминается место для гостей. Там тоже люди живут. А красное небо над головой... Ну и что?

Это Кертис. Колеблется?

– Мы не гости желанные. Мы табак для трубки.

Это Джино. Он со мной. И не отойдёт.

Дальше – ленивый обмен колкостями. Передышка... На-

шли-таки мы внеземную цивилизацию! Но себе ли подобную? Или да? Они там посильнее землян. Они видят наш Перископ, фиксируют степень приближения, держат психосвязь... Очень немало.

Экран завораживает. Огонь Красных звёзд проникает в подсознание. А с ним и чужие смыслы бытия. Мне бы хитроумие Одиссея...

Внезапно накатила глубокая печаль. Такая безысходная тоска, что слёзы выступили. Как зов потерянной, недостижимой любви. Кто-то в красных мирах крепко переживает своё предназначение.

Но вот – перемена! – накрыла волна зависти, злобы, ненависти. Завидующий всегда ненавидит. Этот ненавидит Землю. За что?

Одно ясно – они знают о нас, о Земле. Агуара? Нет, наверняка нет.

Вот снова наплыв тоски по утерянному раю. Захотелось рвануться навстречу, обнять, отдать всё, лишь бы облегчить страдания зовущего в печали.

Нет! Это же психическая атака! С трудом освобождаюсь от наваждения. Помог Кертис, заговорив на странном здесь языке:

– *Ibi deficit orbis!*

– Что? – не поняв, спросил я.

– Геракл дошёл до края людского мира и повелел выбить

на скале у сада Гесперид надпись: «Там мир кончается». О чём я и сообщил. Мы как раз там, на краю.

Но я не Геракл. Как и не Одиссей. А Кертис – со мной!

– Андрый! – попросил я, посмотрев на «запасный выход»; буквы горят, яма на месте, – Я из школы Розы Мира. Я учился и тому, с чем мы встретились. Но что мои знания в сравнении с твоими!

Не верю, что Андрый жаждет стать пленником красных миров. Он обязан помочь. Андрый пригладил усы жилистой рукой. Грустно улыбнулся, кивнул и сказал:

– Антарес – глаза и сердце Скорпиона. Скопление зла и дьявольщины. Цех считает: именно тут цитадель ненавидящих ограничения и законы жизни. Ты из России... И мог видеть Антарес на юге в конце весны и летом. Три звёздные вспышки означали гибель главной планеты-спутника Антареса. Но всякий раз место уничтоженной цитадели занимала другая. Их мир неустойчив, им требуется энергия другого населённого мира. Их главная планета – лицо Дна Шаданакара. А как сказал патриарх: «со Дна Шаданакара виден только неподвижный Антарес, в который Дно упирается одним концом».

«Точка-седло, что-ли?» – спросил я себя, продолжая слушать.

– «Дно Шаданакара – одномерное пространство и время. Подобным дном обладает всякая брамфатура нашей Галактики, кроме тех, которые свободны от демонических сил;

следовательно, таких „днищ“ в Галактике миллионы. И подобно тому, как двухмерные космические плоскости многих антикосмосов или гашшарв скрещиваются в общей линии, точно так же скрещиваются в единой точке схода все космические линии галактических днищ. Точка эта находится в системе звезды Антарес».

Да. Похоже, патриарх разбирался в геометрии лучше меня.

Мучит и страх и любовь; любовь

Вырастает от страха.

(Медея Ясону). Овидий

– Терпение, мой друг, терпение!

Так сказал Сибрус, когда однажды я приблизился вплотную к разочарованию своим жизненным выбором. Я спросил:

– Терпение? Что есть терпение?

– При любых испытаниях и бедах – не суетиться. И не искать среди людей поддержки и спасения. Люди не сильнее и не надёжнее тебя самого. Надейся только на Творца. И сведи свою волю к нулю.

При любом удобном случае он старался отдалить меня от мифологии Розы Мира. Он хороший сеятель. На Земле я об этом не очень задумывался.

– Ничего не предпринимать... Пассивность? Наверное, это трудно.

– Верный путь всегда сложнее ложных. Терпение вознаграждается. Научись ждать. Бывает так, что человеку не хватает сил на секунду, на мгновение. И он совершает отчаянный поступок. И пройденный путь делается напрасным.

И он поведал легенду о раненом в праведном бою. Долго терпел воин боль от ран, ожидая смерти. Но не выдержал и вонзил меч в свою грудь. Возможно, ему не хватило одной секунды. И вот, вместо героя он стал самоубийцей.

Сибрус говорил не о единовременном акте. О жизненной позиции. Не от случая к случаю, а всегда и во всём. Оставаясь в мире с его коллизиями, быть отрешённым. Наверное, он так и поступал. На то он и Сибрус.

«Арете» требуется капитан! Но короля, как известно, делает свита. А не табличка на груди. У меня свиты нет, в экипаже каждый сам по себе. Нас накрывает мягонькое покрывало максимального демократизма. Я ничего не могу изменить, хотя понимаю, что демократия в любых условиях – фикция. Народ не может управлять самим собой, потому как: во-первых, не умеет, а во-вторых, кем он будет управлять, если под каждым – кресло управителя? Делегирование властных полномочий – всегда отделение власти. Вся история Земли – тому подтверждение. Выход я знаю: вместо царя на земном троне надо иметь царя в сердце. Одного всем.

Такое на Земле бывало, но редко и кратко.

Народ мой разошёлся по каютам, обезьянок на палубе нет. В том числе Белого Йога. Каждый уточняет собственную жизненную позицию. Остался я один против вакуума и космоса разом.

Шар что-то шепчет, сопровождая шёпот Моцартом. Получается вполне комфортно, проблемы спасения уходят в подсознание. Пусть, там их место.

И я возвращаюсь к личному. Где-то в Пустоте затерялась Илона. Одна в бескрайности, не зная ни времени, ни пространства. Сколько такое может выдержать человек? Откуда взять такую силу терпения? Что происходит с его сознанием, душой?

Неоднородность вакуума означает и его многослойность. Сибрус говорит о семи слоях. Не менее... На разных этажах пси-фактор может проявиться по-разному. Может ли там человек сотворить себе нечто, заменяющее потерянную реальность и наслаждаться миражами собственного воображения? И какие они миражи, если реально осязаемы?

От провала в рубке веет запахом Илоны. Ароматом мемфисских лотосов. Лотосы тянут к себе тени прошлого и будущего. Я не сплю, но меня окружают сновидения, бывшие и возможные. Сновидения Илоны, не мои. Сквозь сны пробивается её голос. Странны эти слова...

— ...не надо плакать, я совсем не потерялась. Я рядом. Ты никогда не был в Небесной России?

Опять враждебная Сибрису Роза Мира. Илона, как и я, не доверяла цеховым жрецам. Чистое сердце не примет религиозного суррогата. И вот, она сообщает, что нашла прибежище в Небесной России. Таков путь восхождения: из Небесной России в Небесный Иерусалим, затем Синклит Мира, а на вершине Элита Шаданакара. Такова запредельная демократия Розы Мира.

Я вспомнил. Мы спорили о ценностях Цехов. По незрелой молодости я защищал «свой». Илона легко развалила мою защиту, посмеявшись над спецификой понимания любви, внедряемой в Розе Мира. И особенно – посмертной.

Как она иронизировала над фундаментальной цеховой фразой! Я вспомнил:

«Та любовь между мужчиной и женщиной в Энрофе, которая достойна именоваться великой, продолжается и здесь, освобождённая от всего отягощавшего, возросшая и углубившаяся. Между некоторыми существует и телесная близость, но от задач продолжения рода она совершенно откреплена и вообще не имеет ничего схожего с телесной близостью в Энрофе».

Это о той самой Небесной России. И что, теперь она станет опровергать себя ту, прежнюю? И почему, как это Небесная Россия смыкается с Антаресом? Смежные миры? Не Галактика получается, а коммунальная квартира.

– ...Алекс, о чём? Нам какая разница? Какое нам дело

до Агуары? До всех других? Существоем только мы с тобой, мы вдвоём. Поодиночке нас нет...

Я перебил её:

– Помнишь, мы искали клад? Кто-то кому-то сказал, что где-то что-то зарыто? Мы не нашли. Но ведь он существует. Кто-то найдёт...

Эх, заняться бы сейчас поиском клада! И лучше не одного, а нескольких. Думаю, их предусмотрено столько, что хватит на всех живущих. Илона поправила меня:

– Мало ли что и где зарыто! Не существует для нас – значит вообще не существует. Недоступность, недостижимость – всё равно что отсутствие. Разве для тебя есть бесконечность? И у нас её нет.

Вот: «для тебя», «у нас». Она разделила. Кто её научил так делать? У них в небесах свои ограничения. И там никакой демократии... Стало скучно. Но я сказал, чтобы лучше понять себя:

– Кругом нас рассыпаны куски бесконечности. Маленькие, побольше... Бесконечность разбилась и разлетелась по всем мирам. Взяться всем вместе и собрать. И соединить в целое.

Сказал и засомневался. Разве мы с Илоной могли вот так думать и говорить? Да ни за что!

– Кто ты? – спросил я.

Раздался звонкий смех и последовал ответ. Как колокольчики прозвенели:

– Звента-Свентана... Я Звента-Свентана...

Безобразие, расстроился я. И тут обман. Не Илона, и не из Небесной России. Звента... Я знаю, кто она. Так называемая монада, символ Розы Мира. И обитать обязана на верхах Шаданакара. Воплощение женственности. В Цехе Гора её зовут Изидой.

У Илоны любимое четверостишие, взятое у поэта Николая Гумилёва:

У Лилит – недоступных созвездий венец,
В её странах алмазные солнца цветут,
А у Евы – и дети, и стадо овец,
В огороде картофель, и в доме уют.

Почему она мне его читала не раз? Я не думал на Земле об этом. Хотела сказать, что в ней живут и день, и ночь? Кухонное полотенце в руках и звёзды в глазах?

Тот поэт, по-моему, зря разделил Лилит и Еву. Мифы – всего лишь символ, что им верить? Впрочем, поэт имеет право. Я ведь тоже наполовину из мифов. Да вся Земля вертится в свете легенд.

Лилит... Луна, ночь... Лейла...

Лейлы нет без Меджнуна. Без Меджнуна Лейла – Ева. И я не стану Меджнуном для Звенты. В свете ночи легко быть прекрасной. Но ведь за ночью рассвет...

Галактическая Афродита, прославленная Розой Мира, предстала Звентой-Свентаной в роли Изиды. В Цехах такая

путаница! Посвящённый в Цехе Гора – одновременно и мужчина, и женщина. Как они этого добиваются? Может, Джинно? Обезьянка-то у него – дамочка. Нет, нет... Просто у него с психикой проблемы.

Надо бы уточнить у Кертиса. У них иерофант Цеха – как бы копия Изида. То есть спереди он самец, сзади самка. Как там в одном из их первоисточников:

«Если Изида, по мифу, зачала Гора от „золотого фаллоса“, то посвящаемый (то есть мужчина) должен был стать по отношению к учителю (иерофанту) пассивным, смиренным, кротким. Чтобы через его фаллос зачать в себе божественную энергию, которая преобразовывала адепта в бога. Только через „золотой фаллос“ учителя к ученику перетекает божественная энергия. Это – тайна интима».

Вот так у них делается. Ну уж нет! И не зови меня, промежцеховая Свентана. Но она не отстаёт:

– Ты не понимаешь, капитан Алекс... Мужское и женское – внутреннее и внешнее. Связь сокрыта, но – есть. Вспомни: истинная реальность – пустота. Она вмещает в себя всё. Всё – и ничего! Будь внутри и вне себя. Чтобы найтись, надо потеряться. Как Илона, твоё внешнее. Найди её, капитан... Иди ко мне, и ты увидишь свою Илону.

Уже не веяние пустоты – мир Антареса зовёт к себе. Пространство чистой геометрии? Как бы не так! Они целенаправленно, по наводке, закрутили-завертели математическую ловушку для «Ареты».

Колодец пустоты, конечно, полон драгоценностей.

Но оно нам надо?

Самое время зеркала индивидуальные чистить.

Тогда и со Звентой разберёмся, будь она самой Лилит.

Слушает она меня, что ли?

– Ты ещё встретишь меня, настоящую и единственную...

Она сказала как истинная Илона. Меня поворачивают туда, куда я никогда не стремился.

Если верить приборам, температура в рубке только что опустилась ниже абсолютного нуля. Допустим, так и есть. Мы ведь на пороге перемен.

И опять я один. Вечный дежурный по кубрику. Обезличенный Шар обратился по-родственному:

– Ты очень устал, Сибирцев? Терпи. Впереди много работы. На меня замкнулся неизвестный информационный поток. Столько пришлось узнать... Ты слышал, что природные законы стоят не на себе самих? В их основе – процессы Соответствия. А их нет в сводах земного знания.

– Это как? – удивился я.

– Это так: каков ты – таков и твой мир. В общем и конкретно. Хочешь от ближнего чего-то – вначале дай ему то же. Хочешь добра – дай добро. Церковь отлучила Толстого, или же Лев отлучил её от себя? Кто из них ближе к истине? Ты пробовал разобраться?

Я действительно устал. И разозлился.

– Что ты несёшь? Какая разница, кто кого отлучил?

– Чрезвычайная разница. В «Книге мёртвых» Цеха Гора фараон Тутмос Четвёртый записал: «Форма Сфинкса есть символ Хепера».

– Не понимаю.

– Хепер – символ бессмертия. Сфинкс – из краснокожих. И череп удлинен назад. Раса атлантов.

Я начал соображать.

– Уничтоженный народ... Куда-то они после делись, да... Антарес обещает бессмертие? И потому в него рвутся те, кто за Агуарой? На чьей стороне ты, «Арета»? Я не хочу в гости к Сфинксу...

Я попробовал разобраться. Где Лев, там нет сфинксов.

«Аримойя – последний из великих затомисов, находящийся в состоянии творения. Будущий затомис общечеловеческой метакультуры, связанный с возникновением и господством грядущей интеррелигии Розы Мира. Материальность Аримойи, как и других затомисов, создаётся одной из ангельских иерархий – Господствами; великий человекодух, бывший в последнем воплощении на Земле Зороастром, руководит созданием того, что я решусь условно обозначить выражением «великий чертёж».

Библия Розы Мира

Нигде ничего из ряда вон не произошло. Как будто бы нет...

А путевой Шар объявил тревогу. Население Ареты разбужено сиреной. Да, Арета – имя стало именем собственным.

На миниАрете ситуация аналогичная. По-видимому, у неё есть и Путевой Шар, и Перископ, и холодильники с ненужной едой... Маленькие, миниатюрные, но какое значение имеет масштаб?

Люди устало и нервно рассаживаются по креслам. Вид их не привлекает. Я наблюдаю за обезьянками.

Люди пользуются одновременно тремя теориями собственного происхождения. Одна говорит о божественном творении. Другая – о восхождении из обезьяньей дикости. Третья – смешивает в разных пропорциях то и другое.

Роза Мира в этом отношении печально материалистична. Патриарх Цеха сказал и адепты повторяют:

«Что касается так называемой зари человечества, то есть эры выделения человеческого вида из царства животных, то это была необычайно унылая и угрюмая заря. Человечество пещерного века можно и должно жалеть, но не надо его идеализировать; оно было жестоко, низменно и грубо утилитарно. Оно не знало абсолютно ничего духовного, кроме магии, а магия утилитарна и корыстна по самому своему существу».

Такая вот пещернокрылая интеррелигия. Достала она меня! Из чего вышли, туда и возвращаемся. И всё из-за них, апологетов и апологеток. Лилит с Евой тоже были обезьян-

ками?

Приходит век возвращения в пещеры. Обезьяны сменяют людей в городах и весях. Зародыш будущего затомиса перед глазами. Так и будет: мы отразимся в зеркалах Пустоты, и отражения займут наши места. Угрюмая заря уже на горизонте – алый Антарес светит беспрепятственно.

Пытаюсь установить диалог с Белым Йогом – не получается. Над рубкой проплывают подсвеченные алым облака. Фантомы-предвестники очередной революции. Неуютно, холодно, пещерно. Призрак красной Аримойи наблюдает за нами через призмы Перископа.

Джино улыбнулся мне. Как-то недостоверно, вымученно.
– Говори, капитан! – пробурчал Агуара. Выглядит он обеспокоенно.

– Ну что ж, – согласился я, – Что и как смогу. Нас ожидает царство обезьян. Как впереди, так и позади.

Хотел я сказать: «Как спереди, так и сзади». Но не решился.

Кертис кивнул. Делает вид, что понимает. Андрий выразил своё мнение вслух, но тоже не очень уверенно:

– Перископ нельзя отключать. Он единственная нить в макромир. Скользнём в бездну – потеряем надежду.

– Правильно.., – я формировал мысли и тут же выкладывал, – Нет ни Перископа, ни Шара. Ни объединённого биомозга. Арета превратилась в единый мыслящий организм. Она способна к самостоятельным действиям. Если Арете по-

нравится Антарес, мы будем там.

– А если Арете нравится капитан? – испуганно спросил Джино.

– Не знаю, – признался я, – Что спереди, то и сзади... У меня разброд и шатания.

Андрей словно очнулся:

– Но необходимо что-то делать! Алекс, ты способен вызывать Сибруса. Уверен, он предусмотрел и такое.

Как интересно он это произнёс! Мягко, но как отчаянный приказ. Человек без начальственного опыта или иных оснований так не сможет. И Агуара насторожился.

Но я и сам желаю этой беседы.

Сибрус виртуальный лучше, чем никакой. Но теперь Арета контролирует всё. В подтверждение она наградила Сибруса роскошной седой бородой. Волшебник из детской доброй сказки – такой не может не помочь.

– Вы так влюблены в самих себя... Готовы сожрать друг друга?

Начало многообещающее. Добрый маг Сибрус прямо излучает любовь и милосердие.

– Послушайте дедушку. Взвесьте свои мозги, загляните в них, погуляйте по извилинам. Попробуйте отыскать там себя. Да хоть что-нибудь найдите!

Дедушка рассыпался ехиднёвским смешком. Затем снял бороду и помолодел.

– Когда-то я был юн и глуп. Прямо как вы. В один из бес-

толковых дней произошёл со мной такой случай. Шёл я по сибирскому селению и размышлял. Мечтал о величии и силе. Теперь не мечтаю... Так вот, иду я, а навстречу человек. Впервые его вижу. Весь в зелёном, словно тролль. У нас там такие не ходят. День был зимний, снег лежал чистый до ослепления, потому цвет его одежды так меня удивил. И спрашивает он:

– Мир тебе, отрок. О чём страдаешь?

Выложил я свои мечты. Зелёный тролль рассмеялся.

Потом вытянул правую руку, прикоснулся к моей груди. Я чуть не вскрикнул – как уголёк из костра приложил. Подержал он так руку минуту-другую, отнял и показал. А на ладони – зеркальце небольшое. Протёр он его зелёным рукавом и поставил перед моими глазами. И сказал:

– Мечты твои исполнены. Посмотри, каким ты стал.

Заглянул я в зеркальце и ужаснулся: оттуда на меня смотрит зверь. Человеко-зверь. Глаза переполнены злобой и ненавистью. От морды сочатся жирная сытость и самовлюблённость. В тот же момент я стал противен самому себе и мечты мои растаяли. Такие вот бывают зеркала. Вам интересно?

Странной показалась мне притча, обдумывания требовала. И остальные молчат. А Сибрус продолжил:

– С того дня много облаков пронеслось надо мной. Но: Роза Ветров крутила меня, а не Роза Мира. Я обрёл многое,

но больше потерял. Корни мои повисли в пустоте. Ты узнаешь меня, Алекс. Узнаешь и поймёшь.

Сердце моё дрогнуло. Говорил настоящий Сибрус, и говорил правду. И правда его напрямую относилась ко мне. Не одна ли на двоих у нас Роза Ветров? Даже Агуара притих под магией правды.

– ...В каждом из вас живёт маленькое зеркальце. А где-то вовне – рядом или далеко – большое Зеркало. В нём – всё. Но заглянуть в него можно только через своё маленькое, забытое, запylённое, загрязнённое. Сколько можно всматриваться в тёмные чужие отражения?!

Кертис прерывисто вздохнул и не сдержал слов:

– Зеркало миров! О нём говорили мудрецы. Очень давно, до эры искусственного интеллекта...

Агуара понял ситуацию так: Арета с капитаном Алексом. А не со штурманом Агуара-Тунпой. А если так, цель его становится чистым миражом. Он не мог не вмешаться:

– Зеркала, кругом зеркала... Притчи, сказки... Да зеркальность присуща всей материи. Что тут нового да полезного? Отражения... Да чтобы получить маленькое отраженье, необходимо иметь то, что способно отразиться. Иметь надо что-то. За реальность надо держаться, а не... А реальность, то есть спасение, перед нами. Или вы не видите очевидного?

Он махнул рукой на экран. Горят алые очи скорпиона, Арета считает и выводит параметры планет Антареса. Несо-

мненно, это реальность, и единственная. Агуара сжал пальцы в кулак и твёрдо сказал, смотря сквозь меня:

– Хватит околонучных споров и дискуссий. Надо всплывать!

Джино покачал головой из стороны в сторону:

– Всё так переплелось... Так переплелось, что... Отражение отражения... Искажённые отражения... Алекс, может Агуара прав? Сделаем остановку, отдохнём, осмотримся...

Только сейчас я увидел, что Джино почти гол. Пара тряпок на бёдрах, да кусок дырявой накидки на плечах.

– Где твоя одежда, Джино? – спросил я.

– Нету, – вздохнул он, – Весь мой гардероб кто-то... Куда-то... Ничего не осталось.

Я едва удержался от улыбки. Вот она, женская ипостась. Сработала Лилит, вывела в реальность женские мечты Джино. Отразила, другим словом. Но, как часто бывает, потеряв одно, Джино обрёл другое.

– Я верю Сибрусу. Отражённое, отражаемое, какая разница? Вселенные рождаются из Пустоты. Может, и не нужна остановка... Атман есть Брахман... Ведь так, Алекс? И моё маленькое зеркальце – часть большого...

Я прикрыл глаза. Не иначе, этот мальчик, который наполовину девочка – гений! Сибрус улыбнулся как кот рядом с миской сметаны. И поскольку эту миску поставил ему Джино, он обратился к нему:

– Ты умница, Джино!

Так и сказал: «умница». Не «умник».

– Ты умница! Спокойные чистые зеркала не искажают и при многократности отражений. Правильное сочетание прозрачных зеркал усиливает истинность восприятия. И действия. Но в мешке Майи много сюрпризов. Порождения ума человеческого...

– Да, – горячо воскликнул Джино, – Да, моё зеркальце должно соответствовать большому. Быть тождественным.

– Ты внук Гегеля, Джино, – ласково улыбнулся Сибрус, – Смой с себя грязь, и тебя охватит блаженство.

Ну причём тут блаженство? Эта парочка беседует так, словно впереди вечность, незамутнённая и желанная. И я спросил:

– Что есть Зеркало Миров? Великая Пустота? Или то, к чему она прилегает?

– Жил человек. По имени Кукай. Японец, буддист, мудрец. Он считал: если наш мир иллюзия, то пустота – Шухья – реальна. Но достичь её возможно лишь через медитацию. Отрешение от иллюзий... Тогда увидишь: нет разницы между иллюзорным нашим миром и пустотой. Мы её частички, она – нирвана, а мы – Будды. Если сумеем понять.

Итак, Пустота вне меня равна нирване, пустоте внутри меня. Арета, таким образом, плывёт во мне. А я – в ней, то есть внутри себя. Замечательно.

А небо над рубкой такое солнечное, золотое... И нет на экране Антареса, и Лилит не притворяется Илоной. И не зовёт меня в постель с красными простынями. Главное: взаимодействие зеркал – оно уже действие, изменение, развитие, творение.

Хватит им болтать, Сибрусу и Джино. Мы не экипаж, мы пассажиры. Экипаж – обезьянки, наши подобиya, наши отражения. Не было «Ареты», не родился Сибрус – а миниАрета с обезьянками уже существовала в Пустоте, ожидая нас.

Кто мне поможет?

Кертис, Джино, Андрей...

Арету тряхнуло, будто она коснулась днищем рифа. Золотое небо потемнело, склонившись к вечеру. По всем сторонам – я бы сказал «горизонтам», но где они есть? – растеклась алая заря. А прямо над нами вырос многоглавый храм, с высокой башней в центре.

Мне ли, воспитаннику Розы Мира, не узнать? Вот они, затомисы, с Аримойей в центре. Каким я представлял её символ, таким он и явился. Место вокруг храма предназначено для нас. Но не для обезьянок, тем наследовать Землю. Надо всплывать, высаживаться, искать свои пещеры.

Где это стоит или будет стоять? На центральной планете Красной Звезды?

Кертису видение не пришлось по душе. И он обратился к Андрию:

– Это правда, что Роза Мира практически поработила

не только Южную Америку, но и всю евразийскую территорию? Я слышал, у вас есть и тюрьма для инакомыслящих. Замок Забвения... Так она называется?

Это вызов, удар. Андрий почему-то молчит. И Кертис делает второй выпад:

– А ещё, я слышал от знающих, из Москвы прорыли туннель в Антимоскву, которая где-то в Друккарге. Близ земного ядра, не так ли? А иначе где бы вы черпали энергию для противостояния Гору-Сфинксу!

Я подумал: какой-нибудь туннель есть. Роза Мира любит подземелья. Не так глубоко, но... А вот Замок Забвения? На тюрьмы – федеральный запрет.

Андрий отвечал спокойно, с достоинством:

– Наш Цех по происхождению славянский. Евразия – славянская территория. Хранящая кости предков, политая их кровью. Сие обстоятельство исторически объективно. Патриарх Даниил – славянский великомученик и святой. Церковь его времён и теперь действует в интересах Цеха.

– Не знал! – удивился Кертис; я тоже, – Церковь внутри Цеха! Принцип матрёшки... А кости и кровь... Обычная имперская установка. Это понятно.

Не надо бы Андрию ввязываться в свару с Кертисом. Кертис интеллигентно изощён и опытен. И я, желая увести диалог в сторону, задал глупый вопрос:

– Андрий! Почему ты не носишь цехового биочипа?

Цеховой биочип обязательно имплантируется в головы

адептов. Но ведь я один из четверых знаю, что Андрий без него! Мой маленький вопрос подействовал как неожиданный удар из темноты.

— Эх, капитан... И ты с Цехом Джеда! Но, видимо, пришло время.

Я расстроился так, что покраснел. Вот и выходит: мы наследники Вавилона. Говорим будто на одном языке, да не понимаем друг друга. Не видать нам безопасного или нужного района Галактики. И не готовы земляне к встрече с другими мирами. Экспансию в Космос надо свернуть и забыть. Вавилон... Агуара думает, на Антаресе ключи к вечности. Но вечности среди звёзд нет. Разве что в Зазеркалье.

Внедрённый в затылок биочип — психокопия личности, закодированная и зашифрованная. У меня его давно нет, но я знаю: главное в чипе — информация о ранге и степени полезности. Все «ордена и медали» — там. О наличии-отсутствии чипов в команде сообщила мне Арета сразу после старта. Лучше бы не надо, но капитану знать положено. В соответствии с чиповыми записями планетарный мозг-учётчик наделяет человека набором благ. Без чипа не пройти в элитные цеховые распределители. И так далее. Очень важная штука.

Андрий, заглянув в глаза каждому, сделал приглашающий жест в сторону экрана. Того, что мы увидели, не ожидал никто. А увидели мы церемонию посвящения Андрия в элиту Розы Мира и вручение ему сертификата. Вот чем он об-

ладает! Зачем ему чип?! Достоверность записи подтвердила Арета. Наступил общий шок. Ранг Андрия настолько высок, что мы можем себя считать муравьями перед слоном. Пси-программа, заложенная в сертификат, способна превратить любого из экипажа в раба Андрия.

Запорожский казак! Да уж...

А я размышлял, как обрести власть капитана...

Где ж ты, зелёная тень? Где «Шестой»?

– Алекс Сибирцев остаётся капитаном, – объявил Андрий, – Я – рядовой член экипажа. Мы будем стоять на якоре, пока не проясним ситуацию. После чего капитан примет решение.

Всё, споры окончены.

Мне вернули власть, которой не было, а я не рад.

«На якоре...»

Сертификат Посвящённого... Страшная вещь. Для нас, людей. А для Ареты? Возможно, она мой защитник? А не невидимый «Шестой»?

Я опять остался один. Если не считать обезьянок. Небо не ушло, но обрело зеленоватый окрас.

О небесных городах писал Сведенборг. Небесные двойники... Что есть миры Антареса? Тут с десяток планет. Система, и могучая.

Как сказал любимый мной Борхес: «Мы легко принимаем действительность, может быть, потому, что интуитивно чувствуем: ничто реально не существует».

И он же:

«Нам (неразличимому Разуму, действующему в нас) пригрезился мир. Мы увидели его плотным, таинственным, зримым, протяжённым в пространстве и устойчивым во времени, но стоило допустить в его здание узкие и вечные щели безрассудства, как стало понятно, что он лжив».

Где моё безрассудство!?

История, о которой мы спорим, не имеет смысла. Мы его туда насильно вталкиваем. В историю, которую сами же и сочинили.

Русский шариат Розы Мира...

В истории есть сведения, что Гор (Тот) был андрогином. То есть женщиной внутри. И есть намёки, что андрогин Гор – один из первопредков славян.

К позиции андрогина ближе всех Джино, безработный уборщик космического мусора.

Корни обоих Цехов восходят к Вавилону. Но ведь у шумеров мужское и женское разделялись очень чётко. Существовали даже мужской и женский языки. Евнухи, само собой, говорили по-женски.

Я мысленно воззвал к Арете. Арета не отозвалась. Андрей и её заставил задуматься...

Всё, сдаю дежурство. Пусть поработает Кертис, он самый

умный.

Родословная Кертиса тянется к жрецам «Города Солнца» Города под названием Он, или Каменная Колонна. Или просто Город. Позже – Гелиополь...

В нижнем мире существует антипод Гелиополя, вавилонский Гадес. Город этот в центре Дуата, места вечных мук и страданий. Оказавшийся там мечтает лишь о смерти. Но в вечности – ни рождений, ни смертей.

И вот ему, Кертису, довелось приблизиться ко входу в Дуат. Пожалуй, в том правда, что Антарес и есть тот самый Дуат. Печальна участь экипажа.

Так думает Кертис. Так он думает, не понимая, куда приклониться. Куда и к кому...

Арета стала разумным существом? Астроном Андрей оказался Посвящённым, но и он ничего не сможет. Нет у них сил противиться зову Преисподней.

Кертис передвинул кресло ближе к миниАрете. Паруса маленькой шхуны обвисли серыми тряпицами, обезьянки лениво расположились на обычных своих местах и посматривают на него. С превосходством посматривают, как великаны на пигмея.

Джина за последние часы совсем лишилась обезьяньих отличий. Теперь это настоящая женщина-человек, разве что

игрушечно-миниатюрная. И красавица, куда до неё щелкунчику Джино. Одежды на ней почти нет, и глаз Кертиса сам собой тянется к её формам. Формочкам... Но как она смотрит на него: как философ на травинку. Джино тянется к Алексу. Но Джина не приближается к Белому Йогу, и очаровывает Казачка. Наверное, у того мини-сертификат в кармане.

Ведь Казачок смехоподобен! Голая лысина, вислые усы, дряблый животик явно подросток... Они питаются, что ли?

Пан – чёртик из комиксов. Старается держаться поближе к Белому Йогу. Одежды на нём не больше, чем на Джине. Одичал. Потому на вид угрожающе страшен.

Седой – самый слабый. Прячется в укромных уголочках, постоянно что-то вертит в кукольных ручках. Постарел, сгорбился. Ноша наша тяжеловата... Погладить бы его, приглубить.

Белый Йог в сочувствии не нуждается. Белый китель в последние времена украсился позументами и какими-то орденами. Прямо Генералиссимус! Строг – только что сделал внушение Пану. И тот поплёлся искать, чем бы получше прикрыть мужские достоинства. Алексу бы так править.

Настоящий театр сатиры. Без юмора. Смех со слезами. А у нас разве не так? Алекс боится опоздать. Никуда мы не опоздаем. Поздно. Ключ от замочка не в наших руках. А в обезьяньих лапках.

Да – Алекс имеет контакт с Белым Йогом. У меня тоже связь. Внутренняя, неизвестно с кем. Вот и сейчас.

– Ты когда-нибудь слышал запах чёрных роз?

– А он отличается от аромата красных или белых?

– Ещё как. Ведь чёрные розы не имеют шипов. Запах таков, что голову легко потерять. Раз попробовал – и не в силах расстаться.

– Может быть... Я в цветах не очень. Всю жизнь в науке...

– Дело не в профессии. Ты понял слишком буквально. За символами – тайна. Имя, цвет, форма – символы. Ты погружён в океан символов. Чёрная роза... Как звучит? Прислушайся к ассоциациям.

Прислушался.

– Действительно. Видится что-то... Тяжёлое, грозное. И манящее. Как... Как...

– Как чужое звёздное небо? А теперь произнеси имя Аватары. Вслух. И послушай себя.

Произнёс.

– Теперь понимаешь?

Ещё бы!

– Они совместились! Имя Аватары и чёрная роза! Два символа стали одним.

– Две тайны слились в одну! И это не плод воображения. Вот почему Посвящённые говорят: Аватара бел лишь снаружи. Изнутри он тёмн, как мрак. А теперь – Роза Мира... Что в этих знаках и звуках? Не в них ли скрыт ключ к ме-

таморфозам земным? Трансформации не беспричинны, ты знаешь. Но причины таятся не вовне. Что же нужно для смены варианта бытия человеческого? И насколько легко обратиться Арету к Антаресу...

Разговор на пределе понимания. Ни Арета... Ни Посвящённый Андрей... Ни, тем более, Агуара... Никто из них в отдельности не способен. Великая сила прячется в Алексе. Он сам не знает. Но он может и опоздать, если продолжит думать.

Инженер Путевого Шара... Должность чисто символическая. Не лучше, чем у Джино.

Небо-то какое! Гиперграфическое пространство на съёмках пиратского ужастика. Детки Земли их обожают. Вот, Арета сообщает: вероятность попадания в капкан приблизилась к единице. Я так и знал.

Я и Седой... Кто из нас копия?

Ещё вчера – вчера? – я мыслил по Вергилию. В «Энеиде» он сказал: *Altum siletium*. Глубокое безмолвие... Я обвиняю Вергилия и таких как он. Проводники – они. Это они одним словом обозначили сразу две вещи: душу и зеркало. Психе...

С тех пор так: мы думаем, что путешествуем по миру, а на деле странствуем в пределах души. А мир оказывается всего лишь отражением чего-то непостижимого и невероятного. И у меня две родины – материя и дух. Разграниченные

тем самым Зеркалом. Сибрус велик. Но он вовне или во мне?

А страшный вакуум – всего лишь средство. Инструмент для Зеркала. И – для зеркал.

На зелёном небе – две звезды. Не мерцают уже, а светят, ровно и багрово. Мы сближаемся, Арета и всегалактический ад. Сильным мира земного очень сюда хочется. Мы – лишь проводники. Вергилии, все пятеро.

Церковь Патриарха Розы Мира подчинила ад дьяволу. У них мир двухосновен. С одной стороны Творец, с другой сатана. Отсюда следствие-вывод об ограниченности Творца. Так кто же сотворил сатану?! Не бывает двух хозяев в одном доме! Когда так случается, дом разрушается. Чем они думают? А в моём Цехе разве не тем же местом?

Нет, ключи как от рая, так и от ада – в одних руках. Всё в одних руках.

Разделение на Цеха – искусственно, условно.

И Андрию это известно. Андрий – великий хитрец. И может оказаться пострашнее Агуары.

О, вот и началось!

Вспышка темноты, и передо мной каюта Андрия. Как он её интересно обустроил! Людям одеть нечего, а у него стены задрапированы цветными тканями. Уютно получилось. И свет сверху... Мягкий, шелковистый, жёлто-оранжевый. Располагает к неге, блаженству. А что, имеет право, с сертификатом ходит.

Вот и хозяин люкс-каюты. Возлежит на кровати, украшен-

ной цветочными гирляндами, словно султан Багдада. Запаха не слышу, нет запаха. Нос мой в рубке остался. Стоп, а цветы откуда? Из Пустоты, понятно. Но как у него получается?

Вместо ответа под потолком сконденсировалось розовое облачко и обрело формы женского тела. По поведению Андрия понял – он ждал визита. Женщина «с небес» приземлилась – или прикроватила? – и я решил, что моё присутствие в каюте не является необходимым. Так как далее пойдёт по известному алгоритму, моему возрасту не совсем подходящему. Любовь у них или прозаический секс, меня не интересует.

Осознав себя в рубке, поразился: как умеют обустраиваться Посвящённые! Для моего Цеха такое – норма. Но Роза Мира... Нет, не отстаёт Роза Мира. Вспомнил, как записано в её первоисточнике:

«Следующая религиозная эпоха потому и будет новой, что провозгласит и будет стремиться осуществить охват любовью всего человечества, всех царств Природы и всех восходящих иерархий. В далёком будущем откроются ещё большие духовные возможности. Станет доступной и необходимой даже любовь к демонам. Уже и в прошлом некоторые из святых возвышались до такой любви».

Вот и пришло далёкое будущее. Любовь, приравненная к животному сексу, обрела всеобщность и вездесущность. И Андрий приобщился к святости.

Ай да патриарх! Видно, сильно беспокоила его межполовая проблема.

Мир Антареса явно демонический. Так что и Андрий не союзник Алексу. Положение складывается щекотливое. На борту шхуны хозяйничает нечистая сила, предаваясь утехам как у себя дома.

И если я с Алексом, то нас чрезвычайно мало.

Просветлённые любовью набираются сил, и вот-вот приступят к приобщению остальных. Я содрогнулся, представив, что предстоит. И как раз в этот момент мимо пронеслось облачко, сохраняющее очертания женского тела. Пресыщенный взгляд равнодушно скользнул по мне, и демоница исчезла через экран Перископа в месте, где светлеет пятнышко самой большой планеты системы Антареса. Ситуация прояснилась окончательно.

Что было делать? И, подчинившись внутреннему импульсу, я приказал Арете возвращаться в Пустоту. Лучше в Ничто, чем в Антарес.

Но ничего не произошло. Мало того, красные звёзды заметно усилили блеск. И Андрий прибыл в рубку, поднявшись из провала перед запасным выходом на палубу.

– Решил убрать Перископ? – улыбнулся он, – И ничего?

– Но ведь шхуна совершенно не управляема! – растерянно сказал я, не понимая, как себя вести и что говорить или делать.

– А управляемости и не было, – Андрий, не переставая

улыбаться, приблизился к Шару. На плечах его накидка, похожая на тогу римского сенатора.

Тут я заметил, краем зрения, но вполне отчётливо: следом за Андрием в рубку проникла зеленоватая человеческая тень. И, замерев у выхода, сквозь закрытую дверь прошла на палубу. Экран тут же померк, задышалось полегче. Что это было? Или кто? Демонический любовник перестал улыбаться и заговорил с предельной твёрдостью:

– Души наши волнуются, взбаламученные всплесками недоброты, исторгаемых сердцами. И волны деформации искажают мир. Тебе недостаёт любви и ласки, дорогой мой Кертис.

Сейчас он вызовет демоницу и предложит мне уединиться с ней в его будуарной каюте, подумал я. Деформация Шаданакара в сравнении с этим вариантом – мелочь недостойная. Но Андрий, видимо, озабочен другим. Взглянув на девственный экран, он подошёл к миниАрете. И строго сказал:

– О вы, отражённые преформы, деформированные прообразы! Доколе будете пребывать в возражении? Казачок, или ты наведёшь порядок, или...

Обезьянки замерли в растерянности. Озадачился и Казачок. Андрий махнул рукой и повернулся ко мне:

– Тебе будет интересно, брат мой! У меня с Зеркалом особые отношения. Только что я прошёл очередной сеанс очищения. Ещё немного, и освобожусь от иллюзий, страданий, кармы... Ты видел, как дрогнули небеса!?

Ну и что? Искривление геометрии не следствие гравитационных возмущений. Колеблется вакуум – и меняется каркас внешних миров. Но вакуум не самопроизволен, он сам лишь отражение в Зеркале миров. И не найти нигде универсальной системы отсчёта, не отыскать единых теорий и всеобщих уравнений.

Ибо Дух неподвластен геометрии. Так же, как и малые его отражения.

Пока я отдыхал, Кертис узнал много чего. Но это «много чего» ничего нам не даёт. «Нам» – это мне и Кертису. И – Арете. В последней уверен не на сто. Обособившийся био-мозг, сделавший шхуну своим телом – феномен неслышанный, невиданный и единственный.

Андрий и Агуара – против нас, но они не вместе. Джино пока не в счёт. Пока. Всё пока... В установившемся «якорном» спокойствии угроза ненужных перемен.

Люди отказались ото сна и бродят по большой Арете как обезьянки по малой.

Любая моя активность не имеет смысла. Арета сообщила, что ничего не может. Вяло сообщила, без энтузиазма. Я впервые подумал, что Арета не имеет пола, она скорее среднего рода. Переменить ей имя?

Джино с Кертисом устроились рядом с моделью шхуны. Я прислушался. Что-то о пропорциональности миров видимых и скрытых. Дюрер, Леонардо, кто-то из китайцев... Они только что измерили Казачка. Оказывается, его тело, как и человеческое, вписывается и в круг, и в квадрат. Удовлетворившись этим, перешли к соотношению между временем и вечностью. Тут к ним присоединился Андрий, взяв с собой Брюсова и Соловьёва.

Очень образованный экипаж. Элита Земли. Хотят жить вечно. Или, по крайней мере, подай им минимум тысячу лет. Если б на Антаресе не было смерти или чего-то приравненного ей, у них там не было бы зависти. А её у них хватает. Но, думаю, они завидуют не всем землянам. И не всех ненавидят.

Соловьёв хотел воссоединить в жизни настоящей прошлое и будущее и таким образом освободиться из плена времени. У него не нашлось ключей к вечности.

И я отвернулся от них. Где и что Агуара?

Вот он, прилёг на полу у Путевого Шара и упорным взглядом сверлит пустое небо. Я подошёл и сказал как можно дружелюбнее:

– Устал я... Посидишь за меня?

Решение созрело. «Иду на вы!», как говорили когда-то. Пора всколыхнуть застоявшееся болото.

Войдя в каюту, надёжно запер дверь и осмотрелся. У меня всё как в момент старта. В левом от входа углу – резервный пульт управления Путевым Шаром и Перископом, а также их основой, биомозгом шхуны. Теперь он бесполезен – Арета легко его блокирует по своему желанию. Правее на стене – иллюминатор. Персональный экран обзора. Окошко в четырёхмерность. Правее, у смежной стены, напротив входа – кон отдыха. Я его называю «койка». Дальше – пульт формирования заказов на еду и питьё. Бесполезная вещь. Рядом – вход в ванную. Она просторней основной комнаты. Здесь дежурит капитанский личный робот-универсал «Юнга». Шесть рук-манипуляторов, настоящий паук. Или скорпион. Я подозвал его, преодолевая дрожь в руках и ногах. Пока «Юнга» докладывал, набрал на пульте нужный код. Открылось окошко, протянул руку и взял холодный стакан, наполненный пенистой розовой жидкостью. Необходимая сейчас порция наркотика.

Делая неспешные глотки, мысленно пересмотрел все пункты задуманного плана. Отведённое мне время заканчивается, следует торопиться. Антарес увеличивает силу притяжения.

За пять минут «Юнга» приготовит необходимое. Арета не помешает, и ей интересен результат. Она уже отключила коммуникации, ведущие к моей каюте.

Я прилёг на койку и постарался расслабиться. Наркотик

делает своё дело. Сознание освобождается от последних чётких образов.

Вот склонился над койкой Аристотель, молодой, с красивой курчавой бородой, пронизанной несколькими серебряными нитями. Я извинился и отослал его к Кертису. Аристотель послушно ретировался. За ним пришли сразу двое: Платон и Лукреций. Прекрасное сочетание чистых первоидей и сладострастия! Им место рядом с Андрием и Джино. Идите, идите!

Я ждал другого, и он явился, похожий на курсанта Космоколледжа Алекса Сибирцева. Только костюм выдавал в госте знатного лорда: парча и шёлк, воротничок, кружева, воланчики...

– Бэкон, друг мой, вот и ты! – обрадовался я, – Что ты думаешь о том, что творится здесь?

Хрустко колыхнулись белоснежные волны жабо, дрогнули на них ухоженный подбородок. На глазах – влажная пелена печали. Но голос оптимистичен:

– Ты забыл, Алекс? Разве Илона не говорила тебе? Все изменения во Вселенной укладываются в три состояния. Первое – свободное движение. Во втором природа выведена из равновесия; она – чудовище, поглощающее гармонию и выделяющее энтропию. Третье же состояние – развитие в соответствии с волей разума. Человеческого тоже...

Фрэнсис успокоил меня. Я прав. Да! В соответствии с моей волей!

Я вошёл в ванную. «Юнга» доложил о готовности. В бассейне – вязкая масса биораствора. Средства реанимации – на стене рядом.

В шаге от края бассейна – подставка для мозга. Полупрозрачный оранжевый купол над ёмкостью с питательным составом. От полусферы к потолку тянется цветной канат связи с Аретой. Около – подвижной столик с медицинским инструментом.

Осталось проверить силовой кокон удержания тела.

Теперь успех дела определяется степенью хирургического мастерства «Юнги». Воображение, как ни странно, работает. Я вдруг предельно чётко, во всех крохотнейших подробностях, увидел, как со дна бассейна всплывает и поднимается, разводя тяжёлые густые круги биожидкости, блестящее обнажённое тело. Когда-то оно было капитаном «Ареты», Алексеем Сибирцевым. Опершись рукой на манипулятор «Юнги», тело делает шаг, взмахивает другой рукой и наносит ей удар по оранжевому полушарию.

По полу и стенам разлетаются серые комочки, оставляя грязные влажные потёки. Бессмысленные зрачки смотрят в никуда, бледные губы шепчут:

– Шалтай-болтай, шахсей-вахсей...

И тело, переставляя негнущиеся ноги, направляется к выходу.

...Страх жертвы, смертный ужас сковали меня. Я затряс

головой, надавил пальцами на глазные яблоки. Видение исчезло. «Юнга» протянул стакан анестезирующего напитка. Проглотив разом прохладную жидкость, стараясь не поворачиваться к оранжевому куполу, вложил в нишу питания мозга три резервные ампулы стимулятора. Теперь должно хватить. Больше моё серое вещество не способно выдержать. Решающий шаг в бассейн дался легко.

Жуткий сплошной чёрный занавес...

Но вот он раздвинулся, и открылась алая бездонная пасть, прорезанная беспощадным хищным блеском изогнутых клыков. Чёрная дыра изнутри выглядит именно так.

Между клыками, удерживая в металлических лапах лазерный скальпель, застрял «Юнга». С лезвия на светящуюся эмаль капает кровь. Из глубины алого зева вытянулись клейкие щупальца, окутали «Юнгу» и втянули в закрутившийся кровавый вихрь. Тут же всё исчезло.

Бесцветная аморфная пустота распространилась всюду. Личностное самосознание возвращалось медленно.

Вначале понял, что существую только я – один-единственный. Информация о себе проявлялась постепенно, раздвигая и увеличивая грань между знанием и незнанием. Когда услышал своё имя, бесцветная ночь осветилась мерцанием звёзд. Их первый робкий свет вызвал к жизни мрак. Несколько-

ми прыжками он по-хозяйски расположился в межзвёздном пространстве, искривляя лучи, очерчивая углы. Мир обрел формы.

Я попытался осмотреться и увидеть себя. Не вышло: ни где ни рук, ни ног... Ничего. Но Алексей Сибирцев есть. Вся эта рассыпанная всюду масса звёздных искр – это моя те-перешняя сущность. Самопроявление продолжилось. Сия-ние звёзд скрылось за вспышкой, рассредоточенной всюду. Мрак, сгустившийся там и тут, растворился в новом свете. Я понял вдруг: из нейронных сетей перешёл на субклеточ-ный уровень. Звёзды здесь тоже имеются, но их неисчислимо больше и местами они сливаются в яркие плотные образова-ния. А весь объём сияющего звёздно-лучевого облака окру-жён радужно-многоцветной прозрачной оболочкой.

Я добрался до физических границ собственной сущности. Далее простирается Иное. Ради него, Иного, я и снял телес-ную оболочку. Для того, чтобы достичь с Иным полного кон-такта. Может быть, и слияния. Да – вспомнил я – Иное зовёт-ся вакуумом, и именно в нём, через него я смогу реализовать свой план. Свою программу, дубль-копия которой находится в другой сущности. Точнее: в другом мозге. В мозге Ареты. Но где же она? Ведь без Ареты мне понадобится очень мно-го времени. А времени у меня – ограниченный промежуток. Не успею – зло, таящееся в том же вакууме, поглотит меня. И Арету. Иначе зачем я здесь?

Арета... И я. И я тоже – мозг. Всего лишь мозг, изо-

лированный от тела. Лишённый тела. Странно, но осознание потери не расстроило. Я по-прежнему Я, только другой. Свободный, не ограниченный... Точнее, неотграниченный от поля действий. От поля боя...

А поле – во мне. Враг вот-вот начнёт битву. Пучок сигналов сверхсветовой скорости... Арета ответила немедленно, даже одновременно. Новая вспышка в моей новой истории – и рядом возникла новая микровселенная. Следующий шаг – воссоединение. Арета станет моим телом, защитой, гарантией, усилителем... Её мозг обладает параметрами, мне недоступными.

Опасность грозит отовсюду. Между моими и Ареты звёздами мечутся юркие красные кометы с коническими багровыми хвостами. Хвосты бьют по световым пучкам, которые мы протянули друг другу. Одна за другой гаснут искры объединённого разума. Молнии комет вихрятся в диком танце уничтожения. В зазвёздной вакуумной глубине обозначилась тугая спираль и охватила меня и Арету. Спираль-пружина скручивается и стягивает нас, лишая воли к сопротивлению. Витой змеиный клубок неведомой пружинной геометрии действует неумолимо. Наших сил не хватает. Пора принимать допинг.

Подконтрольный Арете и «Юнге» механизм, ответственный за питание мозга, укрытого оранжевой полусферой, вскрыл резервную ампулу стимулятора.

Сноп зелёных стрел ударил по змеиным кольцам, давление ослабло. Я вспомнил общую с Аретой задачу: создать образ действия, который позволит оторваться от притяжения Антареса. Создать и внедрить его в вакуум. Только тогда моя программа получит шансы на материализацию. Эту, первую программу, догонит вторая. Первая приведёт к полному погружению в вакуум, вторая позволит всплыть в нужном участке четырёхмерности.

Я не способен и предположить протяжённость операции: мгновение, годы, столетия... И не знаю, сохраняют ли скользящие в «шубе» биоорганизмы внутренние часы, свои ритмы, свои точки отсчёта. Возвращение в прежнее тело может и не состояться. Но переживаний по этому поводу нет – Алексею Сибирцеву в новом, третьем состоянии, совсем неплохо. Он только начинает осваивать свои возможности в новом мире. Особое спасибо другу в прошлом бытии Фрэнсису Бэкону.

Мысль о Бэконе всколыхнула пласты человеческой памяти. Сибирцев в земном детстве иногда находил в себе нечто, не соответствующее земному. Такое, что и словами не пересказать. Будто в нём живёт и иногда показывается волшебное, могущественное и доброе существо. Покажется и – спрячется. Иногда сны приносили красочные картинки из странных миров, в которых он дома. Но приходило настоящее утро, и ночные картинки превращались в недосказан-

ные, недосмотренные сказки.

Со взрослением такое случалось реже. Но то было с Сибирцевым, который не совсем я.

Теперь, став тем самым волшебным существом, я понимаю...

Времени хватит. Обе программы пошли, вакуум принял их с готовностью и ожиданием. Вакуум всегда знал обо мне!

И Арета обрела могущество и самобытие.

Открытая в юности бинарность мира не тревожит. Где ангел, там где-то крутится дьявол. Рядом с Кертисом всегда будет Агуара. Нормально! А я по-прежнему Сибирцев и человек. И мне придётся вернуться во состояние «капитан Ареты».

Как её экипаж, полностью изолированный и беспомощный?

Добренькие или злые, любящие Землю или Антарес – они люди. И если изменённый Алексей Сибирцев не вернётся к ним, они так и останутся в неведении. И злые не станут добрыми, а добренькие не обретут крыльев.

Пружинные кольца змеи напряглись, исторгнув мириады красных искр. Антарес бросил в битву резервы. Но они не всемогущи. Я попросил Арету стимулировать мой мозг собственной энергией. И вновь переменилась звёздная картина в контактном с вакуумом слое.

Антарес перенёс зону воздействия в обычное пространство. Я из вакуума ощутил удар, нанесённый по Перископу. Шхуну затрясло. Обезьянкам придётся особенно туго. Но они выдержат, как и люди. Ибо смерти здесь нет. Смерть тех и других ждёт не здесь.

Что будет в ближайшем итоге? Независимо от того, вернусь я в тело или нет, моё «Я», полностью отпечатанное, отражённое в одном из слоёв вакуума, обрело независимое существование. Если я вернусь, меня станет двое. Один – человек, другой – не знаю... И оба «Я» навсегда связаны между собой. Один – в мире явлений, другой – в мире причинных действий... Возвращение – соединение обновлённого мозга с телом, которое неизбежно преобразуется. Каким станет моё первое, земное «Я»?

Нет, всё-таки это буду один «Я». Хотя бы потому, что тот, который в вакууме, присутствовал там до начала эксперимента с мозгом. Ибо отсюда он – то есть Я – способен проникать в любой временной слой верхнего, непрерывно меняющегося мира.

Я буду навещать себя там, на Земле. Там, на Земле, я буду встречать себя в себе. Возможно, немного не так, как в детстве, сохранённом в памяти.

Очнувшись, Агуара вполз в кресло и, морщась от боли,

ощупал себя. Что это было? Словно побывал в эпицентре землетрясения! Все органы и конечности на местах. Уже хорошо. Теперь – осмотреться.

С Аретой что-то случилось. На экране демонстрируется хроника атомной войны. Где, на какой планете, не понять. Если творится рядом, надо ждать новых ударов.

Все, кроме капитана, на полу рубки в различных позах. Агуара напряг зрение. Живы. А где капитан? Ах да, перед землетрясением ушёл к себе. В каюте с ним ничего не случится. Происходящее вовне воздействует в основном на пространство рубки.

Обезьянки, кроме Белого Йога, без сознания. А эта гордая копия противного Алекса, расправляя белый костюм, пристально наблюдает за ними. Агуара собрался погрозить ему пальцем, но усилие потребовало слишком большого напряжения.

Надо войти в транс, освободиться от болей и прояснить ситуацию. Он не делал этого сто лет, придётся восстанавливать навык. Послушная память отыскала наставления жреца-опекуна:

«К своим упражнениям-медитациям адепт подключает свой фаллос и поднимает энергию огненного змея Кундалини по позвоночнику-чакрам вверх в голову. Отчего чакры обретают яркость и интенсивность своего цвета...»

Агуара вспоминал инструкции и расслаблялся, готовя тело и сознание к очищению.

Небо изменилось, но он понимал, что изменения не объективны, а всего лишь отражают наиболее чёткие образы из его подсознания.

Вот и глаза желанного Антареса. Смотрят одобрительно, их жаркая краснота обещает исполнение желаний. Посадка на одну из планет неизбежна. Хорошо бы на Цитадель. Его ждут. Он пройдёт нужные ступени обряда, и его вернут на Землю. Вернётся не Агуара-Тунпа, а Айпуат.

На Земле Айпуат – Открывающий Пути – станет Единственным. Вначале обретёт власть над Цехом Гора-Сфинкса, затем... Обретя власть над планетой, прежде всего наладит вакуум-мост Земля-Антарес. Таков его обет, данный красным мирам.

Пирамиды Цеха наконец исполняют предназначение. Геродоту было что-то известно. Это он написал:

«Пирамида была построена богами и в её конструкции были заложены знания, выходящие за пределы „золотого сечения“, и принёс их великий Тот Гермес Трисмегист, и при постройке пирамиды Тотом были даны таинственные буквы IPWT».

Да, Трисмегист стал первым Айпуатом. Агуара-Тунпа будет последним. Геродот не во всём разобрался. Боги тут ни при чём.

Я – капитан Алекс.

Передо мной на экране Федеральный Дворец. Панорама перемещается. Когда оказался в части Дворца, отведённой Цеху Гора, понял: глазами Белого Йога наблюдаю видения, извлекаемые из памяти Агуары. А сам Агуара медитирует, расположившись в кресле дежурного по Арете.

Это Арета предложила посмотреть. Что-то важное... Громадное помещение, напоминающее главный зал Большого Театра в Москве. Зрительские места заполнены служителями Цеха Гора. Оказывается, у них – видно по одеяниям – столько высших чинов!

На сцене проводится ритуал под названием «Сброс излишней жестокости». Я о таком не слышал. Жестокость бывает и излишней?

В программе – два акта.

Первый акт. На сцене дерево, почти лишённое листьев. На ветке застыл крупный хамелеон, напуганный непривычной обстановкой. К дереву подходят двое: жрец Цеха в красно-золотом и его ученик, юноша в скромной серой мешковине. Узнаю ученика – юный Агуара!

Хамелеон пытается отползти, но жрец простирает руку и животное замирает под магическим жестом. Ученик деревянной указкой щекочет голову хамелеона, тот раскрывает пасть, и Агуара всыпает в неё солидную для мелкой твари щепоть серого порошка.

Табак, понимаю я.

Хамелеон изгибается, меняет цвет. Из оранжевого становится зелёным, затем чёрным. Через конвульсии к животному приходит мучительная смерть.

Так вот как начинал свой путь к звёздам штурман Агуара!

Зрители наблюдают за ритуалом молча, степенно.

Второй акт. Сцена меняет обстановку на зимний пейзаж. Похоже на северное поселение в снежную зиму. Улица плотно укрыта снегом, домики дымят трубами.

На сей раз действующее лицо одно – повзрослевший Агуара, перешедший на другую ступень в иерархии. В руках его кошка. Он ставит её в снег, обкладывает им животное так, что снаружи остаются голова и хвост. Снег влажный, через минуту кошка не способна и шевельнуться. Агуара раскладывает под дёргающимся хвостом деревянную щепу и поджигает.

Огонь опалает шерсть, по залу разносится запах горелой плоти. Кошка визжит от боли и беспомощности, зал взрывается диким хохотом.

Так они освобождаются от избытка жестокости? Я не выдерживаю и мысленно закрываю глаза. Что можно предпринять? Или нужно? Скажем, совершить путешествие в раннее детство Агуары и оторвать ему голову? Тогда и будет снят слой жестокости с планеты. Разве что без ритуала.

Белый Йог смотрит на спящего в кресле Агуару. Смотрит с ненавистью. Он готов к действию, но не его время застыло внутри Ареты. Его время не здесь.

Персик и слива не говорят,
Много вёсен прожив.
Дым и туман не имеют следов —
Это то, что жило в старину.

Сугавара Фумитоки (899—981)

Агуара целенаправлен и полон энергии. Вакуум спокоен, в трёхмерности порядок. С четвёртым измерением, временем, не всё ясно, но можно и подождать. И, по всему, немного.

Агуара узнал капсулу в момент появления в поле Перископа. Могла всплыть и поближе к системе Антареса. На таком удалении планетарный гравитационный захват не работает.

По правилам надо будить капитана. Но тот уже проспал столько интересного! Устал человек, надо отнестись гуманно. Пусть отдохнёт, силы ему понадобятся. Илона жива и невредима, встретятся перед посадкой на планету. Пройдут предстоящие испытания вдвоём – им будет легче, чем другим. Или тяжелее? Посмотрю на муки этого идиота, любимца Сибруса! Нашли капитана! Он собой-то руководить

не умеет.

К тому же капитан Алекс слишком долго просидел тут один. Наедине с Великой Пустотой. Вдруг вышел на какой-нибудь опасный контакт? Так что пусть спит и любитесь внутренним зеркалом. Как говорится в Упанишадах:

«Когда он спит, то, забрав из этого всеохватывающего мира вещество, он сам разрушает его, сам создаёт... Там нет ни колесниц, ни животных, запряжённых в колесницы, ни дорог, но он творит там и колесницы, и животных, запряжённых в колесницы, и дороги. Там не бывает ни блаженства, ни радостей, ни удовольствий, но он творит и блаженство, и радости, и удовольствия. Там не бывает ни водоёмов, ни прудов с лотосами, ни рек, но он творит там и водоёмы, и пруды с лотосами, и реки. Ибо он – Творец».

Так что пусть спит, творит и наслаждается. Недолго осталось.

Агуара всплывёт ради капсулы. Капсула ведь как появилась, так может и исчезнуть. Он, Агуара, не бастард Галактики. И не раб капитана Сибирцева. Но приятное капитану отчего не сделать?

Агуара осмотрелся перед установкой прямой связи с Аретой. Народ без сознания, обезьянки тоже. Кроме Белого Йога, крепеньким оказался. Ведь всем прилично досталось. Добавить бы крепенькому, но успеется.

Шхуна подчинилась штурману. Удивительно легко под-

чинилась. Засверкал Путьевой Шар, заработала панорама обзора реального мира.

Агуара с трудом удерживает эмоции. Вот он, решающий миг! Арета вне вакуума! Впервые за плавание, по его воле, и там где надо!

Арета приняла капсулу идеально. Касание прошло мягко, грузовой отсек и не дрогнул. Минуты уйдут на нормализацию атмосферы, на необходимое обследование. Впрочем, атмосфера – дань регламенту. Всего лишь.

Экран переключил картинку и Агуара убедился: да, Илона! Чудеснейшее спасение! Он успеет с ней поговорить до пробуждения капитана. Удостовериться не помешает. Тот же Андрий – усатый запорожец, способный только горилку хлестать. Так Агуара думал. А оказалось – сертификат... Раньше надо было его раскрутить!

Шхуна мягко покачивается. Имитируется лёгкая волна. Для комфорта, видимо. Увлечённый процедурой акклиматизации, Агуара не заметил появления Андрия. Посвящённый достаточно быстро разобрался в деталях происходящего. Агуара едва не вздрогнул, увидев его, стоящего чуть позади.

– Принял решение сам? Без капитана?

Неожиданности в вопросе нет. Андрий наверняка осведомлён об истории с Илоной. И Агуара кратко обосновал решение на всплытие именно здесь и сейчас. Андрий то ли улыбнулся, то ли усмехнулся:

– Хотя на час, но император? А знаешь, что было символами императорской власти в древней Японии? Нет? Меч, яшма, и зеркало. Зеркало! Зеркало, Агуара... Зеркало властителя хранилось в его дворце. В зале Придворных Дам. Самая надёжная защита, не так ли?

Глаза Андрия изучают лицо Агуары. Несколько секунд молчания и новый вопрос:

– Где твоё священное зеркало, Агуара-Тунпа?

Поведение Андрия и вопросы соответствуют рангу Посвящённого. Агуара заколебался. Приготовления в грузовом отсеке завершились, вот-вот Илона окажется в жилом секторе. Беседовать придётся втрём; после зондирования Илоны Агуара даст команду подчиниться притяжению Антареса. Арета обязана вначале завершить операцию по приёму нового пассажира. Андрий не станет возражать.

Но пошло не так! Вначале изогнулись волнами стены, следом заколебался пол. Путевой Шар обрёл форму многогранника. Деформация, обусловленная неслучайной флуктуацией вакуума. О контроле над Аретой нет и речи. Агуара, игнорируя регламент, попытался направить шхуну на Антарес, но получил в ответ лишь откровенную усмешку Андрия.

Арета проваливалась обратно, в Пустоту.

«Чувство берётся неведомо откуда и теряется в недостижимых глубинах, умертвляет живое и оживляет мёртвое; когда же живой не ведаёт смерти, а мёртвый не возвращается вновь к жизни, нет здесь подлинного чувства».

Тан Сян Цзу (16 —17 вв. Китай)

Время пустых блужданий принесло плоды. Да, нет, нет ничего в мирах пустого и бесцельного.

Я узнал много больше, чем имел ранее. А всё равно, могу судить лишь кое о чём, и приблизительно.

Агуара, Андрей... Оба не те, кем казались. Арета и я обрели двустороннюю постоянную связь. Но считать ли Арету живой? Сколько открытий предстоит?

Страх, с которым погружался в третье состояние Фрэнсиса Бэкона, пропал бесследно. Третье состояние прекрасно!

Андрей с Агуарой приняли капсулу с Илоной. Так думает Агуара, вновь потерявший близость к цели. Илону протестирую я, не он. Капсулу обнаружила Арета, и всплывала по моей команде. Но если быть точным, мы с Аретой действовали как единое существо. И остаёмся им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.